

Изоморф. Каратель

Автор:

[Александра Лисина](#)

Изоморф. Каратель

Александра Лисина

Изоморф #2Фантастические миры Александры Лисиной

Раньше меня звали Олегом Каменевым и я был самым обычным человеком. До тех пор, пока не согласился на сделку с собирателем душ, а моя собственная душа не оказалась в другом мире, да еще и в теле дикого зверя. Зверь, правда, попался с секретом – как выяснилось, с моим появлением его душа тоже никуда не делась. А еще нам ментального паразита подселили. Потом открыли на нас охоту, ранили, едва не убили. Впрочем, не убили – вам же хуже. Потому что теперь охотиться будем мы и вам это точно не понравится.

Александра Лисина

Изоморф

Каратель

Серия «Фантастические миры Александры Лисиной»

Серийное оформление – Василий Половцев

Иллюстрация на обложке – Дарья Родионова

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© А. Лисина, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Пролог

Лесса[1 - Лесс, лесса – официальное обращение к магам (здесь и далее примеч. авт.).] Майена Айенал скучала.

Работа штатного мага в резиденции столичного Ордена карателей разнообразием никогда не отличалась, а уж ночные дежурства и вовсе были введены для проформы. По крайней мере, так казалось юной лессе.

Да и как иначе?

Любой дурак знал, что по ночам каратели не работали. А если и работали, то ничего ужасного с ними не случилось. Вот если на выезде, в глухих лесах или в горах, где обитало немало монстров, то да, бывало. А в спокойной и благонадежной столице нападения на карателей являлись такой редкостью, что лесса откровенно не понимала, зачем сидит одна, ночью, в мрачной до безобразия башне, в крохотной комнатке штатного целителя, и старательно давит зевоту, лениво пролистывая скучный любовный романчик и потягивая из кружки давно остывшую даффу[2 - Тонизирующий травяной напиток. Аналог зеленого чая.].

Правда, где-то с год назад в Гоаре случилось непонятное волнение, отчего сразу три должности в столичном Ордене внезапно освободились, а погибшие при исполнении были заменены совсем еще молодыми ребятами из недавно

прошедших отборочные испытания подмастеров. Но лесса Майена этого не застала. Только слышала краешком уха, поскольку не так давно с отличием окончила целительский факультет в Гоарском королевском магическом университете и лишь этой весной удостоилась чести попасть по распределению в столичную резиденцию Ордена.

За эти полгода ничего примечательного в карьере юной магички не произошло. Карателей уважали, еще больше боялись, а суеверные простаки совершенно незаслуженно приписывали им мифические свойства. Но увы. Ни бессмертием, ни неуязвимостью, ни магическими способностями каратели не обладали. А единственное, чем они были по-настоящему знамениты, это уникальные артефакты, которыми их снабжали маги Ковена.

Молоденькая лесса знала это совершенно точно. Как и то, что ее подопечные были самыми обычными людьми, которые иногда болели, часто резались, получали ушибы, ссадины и раны различной степени тяжести. И так же, как обычные люди, они выздоравливали, благо задача лессы в том и состояла, чтобы каратели были круглосуточно обеспечены магической поддержкой.

Одно ее раздражало – вопреки расхожему мнению должность штатного мага в Ордене почетной отнюдь не была, да и работа оказалась до зевоты однообразной. К тому же чаще всего она требовала умений бытового мага, а не целителя. Но увы. Бытовые маги были все наперечет, универсалы[3 - Маги, способные одновременно использовать заклинания разных видов.] и стихийники[4 - Маги, обладающие сродством к какой-либо одной стихии.] сразу перехватывались королевскими службами. Так что непочетные должности вроде этой занимались кем попало.

Вот и лессе не повезло.

Работы по ее профилю в Ордене почти не было. В важные дела ее, недавнюю адептку, не посвящали. А все остальное она делала исходя из полученных в университете знаний и благодаря способности находить общий язык с коллегами из расположенной неподалеку резиденции гильдии магов. Скажем, уговорить их проверить и зарядить накопительный амулет. Настроить поисковые браслеты. Однако это было совсем не то, на что жаждущая приключений лесса рассчитывала, принимая предложение о работе.

На эту ночь она тоже никаких планов не строила и ничего плохого не ждала, поэтому грохот распахнувшейся двери и топот множества ног в холле первого этажа застали ее врасплох. А раздавшийся следом за этим зычный рев заставил выронить из рук полупустую чашку, подхватиться на ноги и опрометью кинуться вон.

- Госпожа магичка! СРОЧНО спускайтесь! Нужна ваша помощь!

Что такое? Что за шум? И почему вопят так, словно кого-то убили?

Девушка, цокая каблучками, торопливо сбежала по лестнице и ахнула, углядев стоящие в холле носилки, на которых в ряд лежало пять тел, накрытых окровавленными кожаными плащами.

- Спаси нас небеса...

- Небеса тут ни при чем, - бесцеремонно оборвал испуганно прижавшую ладошки ко рту магичку командир ночной смены мастер Жош. - У нас пятеро мертвых и один тяжелораненый! И, клянусь светом, если вы не возьметесь за дело немедленно, то мертвецов станет на одного больше!

Лесса нервно покосилась на тела, но тут в холл вбежали четверо слуг и максимально аккуратно внесли внутрь еще одни носилки, на которых без сознания лежал крупный темноволосый мужчина.

Лесса узнала его сразу - мастер Шал. Ее самый нелюбимый, угрюмый и несговорчивый пациент. Никогда слова доброго не скажет. Фразы вечно сквозь зубы цедит. Лессе всегда казалось, что он ни в медный молг ее не ставит. А не обращается за помощью исключительно потому, что считает ее недоучкой. Это ее-то, окончившую магуниверситет с золотым дипломом и не попавшую на годичную стажировку в королевский дворец лишь по причине отсутствия длинной вереницы богатых предков!

- Лесса! - вырвал магичку из ступора хрипловатый голос мастера Жоша. - Вы будете что-то делать или нет?!

Девушка вздрогнула и махнула рукой в сторону ближайшей комнаты:

– Туда его заносите. А я сейчас... сейчас! Я попробую все исправить!

Она порылась в складках платья и, выудив оттуда крохотную капельку рашшера[5 - Переговорный амулет.], срывающимся от волнения голосом бросила:

– Неттэль! Йелли! Вы нужны мне в первой лекарской НЕМЕДЛЕННО!

Не дожидаясь, пока присланные магунивером практиканты с целительского факультета продерут глаза и сонно поинтересуются, в чем дело, Майена отключилась и, запихнув амулет обратно в карман, быстрым шагом направилась следом за носилками.

Мастер Шал был весь в крови и при этом казался ужасно бледным. Беглое сканирование ауры показало, что жизнь в нем едва теплится. На теле присутствовала масса мелких и незначительных травм, часть которых была получена явно не сегодня. На левой руке имелись достаточно грубые повреждения кожи, мышц и связок, вероятно, в результате магического ожога. Но самая большая проблема заключалась в глубокой ране на искалеченном горле, в котором при каждом вдохе что-то булькало, хрипело и подозрительно ворочалось.

Когда мужчины поставили носилки на специальный стол, лесса жестом попросила слуг удалиться, а сама склонилась над умирающим карателем.

Просто поразительно, как он еще дышит! Рана выглядела ужасно. Глубокая, неровная... из мастера Шала словно глотку пытались вырвать! Судя по обилию крови вокруг, он уже давным-давно должен был умереть, но жизнь в нем каким-то чудом еще теплилась. По-видимому, нападавший слегка промахнулся, поэтому крупные сосуды оказались не задеты. Пострадала только гортань. И трахея. Так что, если их правильно сшить...

Даже не обернувшись на повторный грохот распахнувшихся дверей, юная магичка закатала рукава, повелительным жестом направила испуганно икнувших практикантов в изголовье и, припоминая учебную методичку по неотложной помощи, демонстративно размяла пальцы.

Ну что, мастер Шал, попробуем вытащить вас из лап собирателей душ? Может, после этого вы перестанете смотреть на меня как на пустое место?

Лесса Майена Айенал торжествующе улыбнулась и принялась творить свое первое в жизни настоящее исцеляющее заклинание.

Глава 1

Когда я пришел в себя, вокруг царил полумрак, едва-едва разбавленный пробивающимся сквозь зарешеченное окошко красноватым светом.

Ночь.

И луна... кроваво-красное, жутковатое, но уже привычное и почти родное светило, при виде которого я устало прикрыл веки, а потом снова заставил себя их открыть в попытке понять, где именно оказался.

Судя по каменным, ничем не украшенным стенам, низкому потолку и наличию решетки на нашедшемся поблизости крохотном окне, меня все-таки выловили, вытащили из канализации и забросили в какой-то каземат. Хотя нет. Окно расположено невысоко от пола, и сквозь него были хорошо видны не только звезды, но и краешек каких-то крыш. Значит, не каземат. Возможно, просто тюрьма?

Я попытался пошевелиться и без особого удивления обнаружил, что не могу этого сделать. Правда, не потому, что скован – нет, просто слабость была такой, что даже голову повернуть оказалось проблематично. Когда же я все-таки сумел ее немного сдвинуть, то увидел низенькую деревянную дверцу, обитую широкими железными полосами, и мысленно вздохнул.

Значит, не тюрьма. Просто келья. Да и лежал я не на тощем тюфяке, набитом гнилым сеном, а на достаточно комфортной постели, на вполне себе удобной подушке и был до подбородка укрыт легким одеялом, от которого вкусно пахло травами.

Встать и осмотреться получше у меня тоже не получилось. Руки-ноги казались чугунными, а голова была похожа на литую металлическую болванку. При малейшей попытке пошевелиться затылок начинал раскалываться, левую руку сводило до самого плеча, а в глазах вспыхивали такие яркие круги, что я предпочел не рисковать. Почти одновременно с этим обнаружилось, что левая рука у меня плотно забинтована и, судя по всему, достаточно давно была лишена возможности двигаться. Кончики пальцев онемели, сжать их в кулак я не мог, а стреляющая боль в мышцах и стойкий запах целебных трав заставляли проявить осторожность.

С ногами проблем не возникло – помимо безумной слабости, никаких отклонений в них не наблюдалось.

Голова... ну, похоже, ей здорово досталось, потому что соображала она туго, сумеречное зрение не работало. И вообще, было непонятно, что происходит и почему я лежу тут как барин, вместо того чтобы звенеть кандалами в подвале или удовлетворять болезненное любопытство какого-нибудь вивисектора из Ковена.

Ах да...

Я ведь снова человек. Не нурр. Ну хоть что-то в этой жизни осталось хорошего. Хотя, если подумать, с чего бы мне становиться человеком, если последний миг, который остался в моей памяти, был тесно связан с собирателем душ? А в предпоследний я совершенно четко планировал сдохнуть, причем желательно до того, как до меня доберутся каратели?

У меня вдруг спину осыпало морозом.

Да нет. Не может быть!

Я с некоторым трудом выпростал из-под одеяла неимоверно тяжелую правую руку, с недоумением воззрелся на смуглое, волосатое и на редкость мощное предплечье. Неверяще дотронулся кончиками пальцев до горы бинтов, наложенных на горло. Попытался ругнуться. Вздрогнул, услышав сорвавшийся с губ сдавленный сип и подозрительное бульканье в глотке. После чего обессиленно уронил руку обратно на постель и снова закрыл глаза.

Воспоминания из прошлой жизни накатили лавиной, и я тихо захрипел, в деталях припомнив свой последний день в облике Рани. Бешеную гонку по подземельям, короткую схватку с карателями, рухнувший у моих ног полутруп с жадно вцепившимся ему в глотку Изей. Мимолетное торжество, перемешанное с болью и тоской по погибшим улишшам. И слабую, едва теплящуюся надежду в словах, в которых на первый взгляд не было ничего необычного.

Все твоё – моё...

Я с трудом сглотнул комок в изувеченном горле.

«Изя? Ули?»

Однако на мой зов никто не отозвался. Хвост вопреки всему не отрос, словно внезапно разучился это делать. Присутствие нурра обозначилось лишь легким зудом в районе копчика и еще большей слабостью, от которой сознание снова начало куда-то уплывать. А что касается Ули, то один-единственный мыслеобраз от него все-таки пришел и был полон бесконечной, выматывающей, воистину смертельной усталости, в которой проскальзывали вина и сожаление. Мол, прости, хозяин. Я сделал, как ты просил, но на большее меня уже не хватило.

Ох, Ули...

Будучи не в силах помочь ни себе, ни ему, я представил, как прячу в ладонях измученного, едва дышащего и такого же истощенного мышонка, после чего все-таки не выдержал и провалился в темноту.

Однако на этот раз тьма оказалась не такой беспросветной, как раньше, поэтому даже во сне я видел стремительно сменяющие друг друга картинки, образы, мысли, эмоции. Как несколько сумбурный, не особенно качественно снятый, но достаточно подробный фильм о человеке, которого я недавно убил.

* * *

Проснулся я только к утру, такой же ослабленный и вялый, как раньше. Но на этот раз пришел в себя оттого, что чьи-то заботливые руки меняли бинты на плече и горле, а мягкий женский голос, стоило мне дернуться, требовательно

сказал:

– Лежите, мастер Шал. Вам еще нельзя ни шевелиться, ни говорить! Вы слишком слабы!

Ах да, мастер Шал – это же теперь я. Ублюдочный каратель, от воспоминаний которого становилось тошно.

– Молчите! – повысила голос девушка, когда я попытался задать ей вопрос, а следом на мою грудь легла удивительно твердая ладошка. – Если вы не прекратите упрямяться, то, клянусь светом, я снова вас усыплю! И буду будить только для того, чтобы слуги могли вас обмыть и перевязать! Кормить вас тоже нельзя – ткани еще недостаточно срослись! Поэтому лежите тихо и дайте мне возможность хоть чем-то помочь, раз вы сами себе помочь сейчас не в силах!

Еда...

Да, есть мне действительно хотелось, но симпатичная, нарочито строго смотрящая на меня девушка не дала ни одной хлебной крошки. Вместо этого она принялась сердито перечислять полученные моим новым телом повреждения, ворчала на то, что раны плохо срастаются. Сообщила, что физически я истощен до предела, а в свете сканирующего заклинания и вовсе выглядел так, словно только что из могилы откопался...

Но я ее почти не слушал.

Вместо этого я старательно вспоминал недавний сон. Анализировал собственные ощущения. Попытался понять эмоции, которые будил во мне вид симпатичной леди с классическими ведьмовскими рыжими волосами, ярко-зелеными глазами и забавными конопушками на носу. А когда девушка закончила с перевязкой и, зашуршав юбками, направилась к выходу, наконец-то вспомнил ее имя: Майена. Вернее, лесса Майена Айенал, которую настоящий мастер Шал не то чтобы презирал... но был твердо уверен, что в Ордене ей не место. Он, впрочем, ко всем дежурным магам так относился. По той простой причине, что толковых чародеев в резиденции практически не бывало. Сюда отправляли молодых, неопытных, едва получивших диплом и вынужденных отрабатывать вложенные в них государством средства магов. Которые после обязательного года службы были вольны выбирать, куда податься, и, естественно, не задерживались на

скучной и малоодоходной должности.

Так вот, еда...

Чувствуя, как внутри настойчиво шевелятся пустые кишки и требовательно квакает такой же пустой желудок, я по примеру настоящего мастера Шала наплевал на рекомендации целительницы и, чуть не задохнувшись от слабости, все-таки сел.

Итак, что мы имеем?

Откинув одеяло, я скептически оглядел свое новое тело.

Одно хорошо – я больше не тощий дистрофик и не пацан, от которого за километр шибает комплексом неполноценности. Достойный мужчины рост, крепкое телосложение, широкие плечи и прекрасно развитый мышечный корсет – это то, чем мастер Шал мог заслуженно гордиться. А вот безумная слабость и нефункционирующая левая верхняя конечность откровенно не порадовали.

Не знаю, сколько времени я уже находился в резиденции Ордена... память карателя услужливо подсказала, что это лечебное крыло, первый этаж... однако за прошедшие с момента моего воскрешения рины (а может, дни?) мои раны не то что не закрылись – они даже толком не поджили. Оставшиеся после перевязки бинты были пропитаны кровью. Раны на плече, которые я краем глаза тоже успел заметить, выглядели скверно. Я, правда, не помню, чтобы карателя кто-то обжег, да и мои улишши не успели до него добраться. Но, возможно, раны он получил до того, как столкнулся с нами в коллекторе?

С горлом дела обстояли еще хуже – после того, как Изя выгрыз кадык, там по идее не должно было остаться живого места. Однако после смены формы, вероятно, Ули успел подлатать новую матрицу. И именно на это ушли его последние силы.

Вспомнив, как именно был одет каратель в коллекторе, я почувствовал стыд. Бедняге Ули, похоже, пришлось воссоздать все шмотки, ремни, нагрудник и даже содержимое карманов, о котором я в тот момент совершенно не думал. Если бы во время падения мастер Шал не выронил «бластер», то его воспроизведение тоже легло бы на плечи маленького улишша. Неудивительно,

что малыш истощился. Судя по тому, как мне сейчас хреново, на создание такой сложной матрицы он потратил все наши энергетические резервы, все запасы металлов, что я успел скопить. Поэтому и сидел я сейчас кое-как. Поэтому и чувствовал себя едва дышащим слизняком.

ТЬфу.

Я снова попробовал использовать сумеречное зрение, но не смог – в башке тут же все закружилось, в глазах потемнело, а к горлу подкатила тошнота. При этом каждый глоток отдавался в разорванной глотке адской болью и создавал впечатление, что при малейшем усилии совсем еще свежая рана разоидется по швам и оттуда снова хлынет кровавый водопад, в котором я на этот раз точно захлебнусь.

Отдышавшись, я упрямо дотянулся до стоящей рядом тумбочки и, выдвинув верхний ящик, нащупал внутри осколок зеркала. Добраться в другой конец коридора, где находилась душевая и большое, в полный рост, настенное зеркало, у меня бы не хватило сил. Поэтому обойдемся тем, что под рукой.

Из зеркала на меня уставились бледно-голубые глаза и хмурая загорелая рожа, принадлежащая небритому тридцатилетнему мужику. Когда-то, правда, его звали Шайлисатт, и у него даже фамилия нормальная была. Но в Ордене на таких мелочах не заморачивались, поэтому как только в руки одного из мастеров попался восьмилетний, промышляющий попрошайничеством и воровством пацан, Орден выкупил его у семьи, а неудобное южное имя сменил на короткую кличку, которую мастер Шал искренне ненавидел.

Он, впрочем, и во всем остальном был, мягко говоря, не самым отзывчивым человеком. Пережив предательство родителей, с легкостью отдавших сына на воспитание в Орден и даже не поинтересовавшихся его дальнейшей судьбой, мастер Шал раз и навсегда выбрал путь волка-одиночки. У него не было друзей во время учебы в военизированном лагере, где он провел без малого девять лет. Он не дружил с коллегами по работе. Не сблизился по-настоящему даже с собственным наставником, который учил его еще лет пять после того, как Шал получил статус подмастерья. Он многократно переходил из одной резиденции Ордена в другую, не раз получал выговоры по причине неуживчивости с коллективом. Порядком помотался по окраинам Архада. Спускался даже в подземелья к нуррам, когда прошел слух, что в тех краях появился шайен. И лишь года четыре назад осел в столице. Правда, исключительно потому, что его

бывший наставник занял пост магистра столичной резиденции и был не прочь вернуть под свое крыло несговорчивого, упрямого и сложного во всех отношениях человека, который тем не менее оставался хорошим бойцом и был фанатично предан своему делу.

То, что мастер Шал и впрямь являлся фанатиком, я понял практически сразу, как только копнул его память поглубже. Как и то, что в действительности сведения об изнанке, которыми обладает Орден, далеко не полны.

В частности, шайенов они воспринимали как этаких разносчиков заразы, которые были способны через укус передавать чужие души новым носителям. Типа цапнул кого-то мой Изя зубами, и все, сразу создал входные ворота для инфекции... то есть для мертвой души на изнанке. Укусил еще кого-нибудь, и на тебе, сразу готов новый шайен. Бредятина, конечно, но в Ордене почему-то в это верили. Более того, учили этой ереси новобранцев, и те, подобно Шалу, считали себя этакими воинами-освободителями. Спасителями человечества. Местным аналогом ведьмаков, которые избавляли мир от страшной напасти и ради этого охотно жертвовали не только собой, но и другими.

Исходя из этой установки, любой, кого укусил шайен, априори считался зараженным, а следовательно, опасным субъектом. Животных, которых коснулся шайен, немедленно умерщвляли. Людей чаще всего тоже, но людям хотя бы давали две недели карантина. Типа, если за это время у человека не вырастет хвост, вторая голова или третья рука, то все в порядке, заражение не состоялось. А вот если в здоровье пациента появились какие-то отклонения...

Ну, в общем, вы поняли.

И это правило работало как на простых людях, так и на магах, и даже на самих карателях, если им доводилось стать жертвой шайена. Такое, правда, случалось редко – шайенов ненавидели, боялись, поэтому нещадно истребляли везде, где только можно. В ход шло все, от магии до простых доносов. Проверки, которым подвергали предполагаемых лиц, которые могли быть связаны с созданием, укрыванием или просто контактировали с шайенами, были крайней жесткими. Как у нас на Земле, если вдруг появлялись сведения о чуме или холере. Тогда в работу включалась целая куча народу, в том числе городская стража, при необходимости даже регулярная армия, маги. А в случае, если донос оказывался ложным, причем умышленно ложным с целью уничтожения конкурентов или устранения личных врагов, и каратели получали этому доказательства, то горе-

доносчик за попытку решить свои проблемы чужими руками мог лишиться имущества, репутации и даже головы.

В моем случае причиной той самой, первой, облавы стал именно донос. Кто-то из жителей столицы заметил подозрительную активность по соседству и сообщил об этом в Орден. В ту же ночь в указанный район заявили каратели. Дом мага-отступника обыскали и сожгли, однако самого его, как неожиданно выяснилось, никто из карателей не убивал. Его обгоревший труп обнаружился позже, уже при разборе пепелища. Оказывается, внизу был потайной подвал, который при первичном обыске каратели не нашли. Там-то незадачливый маг сперва от них укрылся, а потом благополучно задохнулся в дыму.

А вот меня они не ждали. Тогда, стоя у полыхающего дома, они искренне полагали, что на улицу выскочит сам маг или же что у него найдутся сообщники. Однако увидеть молодого нурра никто не ожидал. И как только стало известно, что зверь сбежал, в районе объявили план-перехват.

Глазами Шала я видел, как организовывалась эта операция, и мог только поблагодарить судьбу за допущенную карателями оплошность. В тот самый миг, когда я только выбрался из горящего дома... ничего не понимающий, уязвимый и толком не умеющий обращаться со своим новым телом... каратели упустили момент, когда можно было закрыть этот вопрос раз и навсегда. Промазали. И не подумали, что в теле измененного магией нурра могла поселиться душа человека.

Правда, довольно долго Шал, участвовавший в той облаве в роли координатора, полагал, что охота увенчалась успехом. Наброшенная над районом и выставленная на полную мощность магическая сеть должна была меня уничтожить. Испепелить на месте. Поэтому-то отсутствие тела никого не смутило. О том, что облава произошла вблизи старой башни, подвалы которой были густо напичканы защитными сетями, Шал, на мое счастье, не подумал. И только после того, как в том районе зафиксировали повышенную активность мертвых душ, которых каратели называли «некко», в Ордене наконец-то заподозрили неладное.

Вскрытое логово превратило эти подозрения в уверенность.

Мастер Шал лично руководил поисками, организовав целую серию облав и используя расположение логова в качестве отправной точки. Каратели побывали на всех складах, где я одно время часто появлялся. Прошерстили близлежащие районы, откуда я тоже успел уйти. Не раз навещали трактир дядюшки Гоша, едва не заработавшего себе стойкую икоту после этих визитов. И, как мы ни прятали следы, но все же наткнулись на отпечатки лап, царапины от когтей, довольно быстро придя к выводу, что нурр-шайен уже успел собрать полноценную стаю.

Обнаружив подозрительные отпечатки возле одной из канализационных решеток, Шал расширил круг поисков и убедился, что шайены проявляют редкую для животных осторожность. Умеют скрытно перемещаться по городу, успешно избегают людей и используют подземные тоннели в качестве естественного убежища. За целый год в Орден больше не поступило ни одного доноса на бесчинствующих шайенов и не нашлось ни одного свидетельства их существования, кроме тех, что обнаружили сами каратели.

Это заставило Шала удвоить усилия и начать отслеживать все странное, непонятное и необычное в показаниях коллег, которые в последние полгода обыскивали столицу в режиме нон-стоп. И он таки нашел что хотел и то, что упустил из виду я, – оказывается, в радиусе полукилометра от нашего нового дома улишши уничтожили всех до единого некко, и это наряду с повышенной активностью клякс тоже привлекало внимание.

У меня аж дыхание перехватило от мысли, что каратели оказались всего в одном шаге от того, чтобы обнаружить наше новое логово. Но к счастью, искать нурров в человеческом жилье им в голову не пришло, поэтому Орден сосредоточил усилия именно на подземельях.

А там, как и следовало ожидать, мои нуррята осторожность уже не соблюдали. Следы их лап виднелись повсюду, как и трупы клякс, и следы обычной жизнедеятельности. Выследить по ним улишшей труда не составило, как и получить представление о численности стаи. Единственное, о чем не подумали каратели, это о том, что звери чаще всего охотились самостоятельно. Без меня. Поэтому, наткнувшись на ослабленных нуррят и изучив кишаций некко тоннель в коллекторе, каратели совершенно правильно предположили, что половина стаи уничтожена. Но не подумали, что вместе с ними не окажется вожака.

Мое появление стало для Шала полной неожиданностью, но, на его счастье, это не он стоял у меня на пути в тот миг, когда я выпрыгнул из тоннеля. Мы столкнулись чуть позже. Уже в финале. И вот тогда каратель совершил свою последнюю, самую главную ошибку – подошел вплотную. После чего мог лишь с бессильной злостью смотреть на мою оскаленную пасть, видеть в хищно горящих глазах торжество, понимать, что на самом деле это поражение для Ордена, а не победа. И ненавидеть... всеми фибрами отлетающей души ненавидеть меня за то, что я его переиграл...

Когда чужие эмоции улеглись, я сгорбился и тяжело вздохнул.

Для меня это не было игрой. На самом деле я тогда не победил, а потерпел сокрушительное поражение. И потерял намного больше, чем можно было предположить.

Первый, Второй, Третий... мои улишши... маленькие братья, которые до последнего оставались мне верны и пожертвовали собой ради того, чтобы я выжил.

Нет. Это была совсем не игра.

Благодаря Ули моя малышня уже давно стала частью меня. Я чувствовал их. Знал, грустят они или радуются, сытые они или же мчатся по подземным тоннелям в диком азарте. Я видел их, ощущал, я был одним из них. Это были мои восемь пар глаз и ушей. Мои лапы с острыми когтями. Маленькие частички моего сознания, разделенного на восемь умных голов и преданных до последней капли крови сердец.

Каждый из них был для меня чем-то большим, чем просто друг. И теперь, когда их не стало, я чувствовал себя так, словно потерял половину себя. А то, может, и больше.

Самое же поганое заключалось в том, что я, хоть и уцелел, был вынужден находиться в теле человека, который почти сумел меня уничтожить. Того, кто ненавидел нас всех в целом и каждого по отдельности. Того, по чьему приказу каратели заживо сжигали моих истощенных котят. Того, кто, даже оказавшись на пороге смерти, сожалел лишь о том, что не убил нас всех до одного.

Тяжело вздохнув во второй раз, я заставил себя встряхнуться.

Да, малышей больше нет, да и тело мне досталось поганое. Зато я был жив, полон злости и намеревался в скором времени за них поквитаться. Вопрос заключался лишь в том, считают ли меня теперь «зараженным» или нет? Если да, то почему сюда так смело заходит магичка? А если нет, то какого черта она меня еще не вылечила?

Ах да. Опять забыл. Я же на грани истощения, поэтому без полноценного питания мои раны будут заживать гораздо дольше. Этой лессе... как там ее... Майене... следовало наладить прием пищи если не через рот, раз уж мне глотку порвали, то хотя бы через капельницы, уколы или что тут у них в ходу? Клизмы? Вместо этого она меня отчитала, наговорила всяких гадостей, а потом бросила грязные бинты прямо на пол и куда-то умотала, оставив меня озираться в поисках пищи.

Интересно, если я обглодаю железные полоски на двери, их отсутствие быстро заметят?

Пока я прикидывал, как добраться до вожделенных железок, в коридоре снова послышались шаги, и буквально через пару ун в комнату зашел молодой... ну то есть еще моложе, чем лесса... высокий и на редкость худой парень. Одет он был в порнографического вида зеленые лосины, стоптанные башмаки и длинную белую тунику с какой-то причудливой вышивкой по краю.

– Доброе утро, мастер Шал, – нервно улыбнувшись, поприветствовало меня это тощее недоразумение. – Мое имя Йелли. Я – будущий целитель.

Я кивнул, знаком показав, что память мне пока не отшибло.

– Тогда позвольте мне вас обтереть и... ну... – совсем разнервничался парнишка, жестами пытаюсь показать, в каком именно уходе я, по его мнению, больше всего сейчас нуждаюсь.

Тьфу. Болван. Больше всего на свете я сейчас хотел жрать!

– Хр-р... гр-р... ург-р-ргр! – вырвался из моего горла почти что звериный рык, после чего я поперхнулся и тяжело, надсадно закашлялся. А практикант испуганно всплеснул руками, пробормотал что-то насчет того, что мне нельзя говорить. Потом бестолково заметался по комнате. И только после того, как я с раздражением ткнул пальцем в грязные бинты, он все-таки сообразил, что я от него хочу.

– Гр-рха! – откашлявшись, я с трудом выплюнул на пол липкий кровавистый комок. – Убе... ри!

– Конечно, мастер Шал! Я сейчас! – выпалил этот идиот, чуть не бухнувшись передо мной на колени. Торопливо сгреб грязные тряпицы, подтер ими же кровь на полу, после чего вскочил и рысью куда-то умчался, даже не закрыв за собой дверь.

ТЬфу. И за что мне такое наказание?

Тем временем слабость навалилась с новой силой, и я, будучи не в состоянии с ней бороться, взглядом нашел металлическую ручку на ящике тумбочки. Еда...

Само собой, я тут же попытался ее оторвать. Но не смог. Разозлился, конечно. Хотел было наклониться, чтобы дернуть посильнее, но не удержал равновесия и тяжело, как куль с мукой, повалился на бок. Естественно, при падении шарахнулся головой о тумбочку, после чего закономерно распластался рядом с кроватью. И в ослепительном веере разноцветных искр провалился в черноту, успев напоследок услышать цокот чьих-то коготков по подоконнику и почувствовать, как в мои губы ткнулось что-то маленькое, твердое и пахнущее чем-то смутно знакомым, что я бы очень хотел, но уже при всем желании не смог съесть.

Глава 2

Когда я открыл глаза в следующий раз, в комнате опять было темно и особенно резко пахло травами. Какая-то добрая душа уже успела перенести меня на постель, хотя это было весьма непросто. Поднять сто с лишним кило живого

веса, большую часть которого составляли кости и мышцы, – задачка не из легких. Но неизвестные доброхоты справились. И даже заново перевязать меня успели, за что им отдельное спасибо.

Самое же странное заключалось в том, что во рту у меня остался легкий сладковатый привкус, хотя при прошлом пробуждении ощущения были такими мерзкими, словно туда кошка нагадила. Причем хорошо так нагадила, постаралась от всей души.

Я провел языком по сухим губам и почти сразу услышал невнятный шум со стороны тумбочки.

Кто там скребется? Крыса?

– М-мя, – тихо сказала настороженно глядящая на меня серебристая нурра с рубиновыми глазами. А в ее лапках сверкнул крошечный комочек мягко мерцающего в полутьме металла, вкус которого я до сих пор ощущал на языке.

Фэйтал...

– Хр-р, – прохрипел я и тут же зашелся в надсадном кашле.

Млять! На этот раз горло драло так, словно по нему наждачкой прошлись, причем не раз и не два. Там внутри была сплошная рана, на языке стало солоно, словно эта рана еще и кровоточила, а каждый вздох отдавался такой болью, что у меня чуть искры из глаз не посыпались.

Но и не кашлять я тоже не мог. Если прекращал, тут же начинал задыхаться, поэтому, мысленно рыча и ругаясь, я все кашлял, хрипел и снова кашлял, словно столетний дед, страдающий от запущенной формы туберкулеза. Затем все-таки додумался повернуться на бок, и вот тогда стало чуточку легче. И боль поутихла, и приступ постепенно сошел на нет. Свесившись с края постели и сплюнув на пол еще один кровавый сгусток, я с трудом отдышался и даже не стал противиться, когда подскочившая нурра протянула мне кусок фэйтала.

Черт с тобой. Давай. Все равно альтернатив нет и в ближайшее время не предвидится.

Пакость радостно застрекотала, когда я без возражений принял из ее лап угощение и снова откинулся на подушку. Хрен знает, где она его взяла, но фэйтал был уже обработан, очищен и имел безупречно круглую форму. Совсем не то, что корявые ниисовы самородки.

Протянув здоровую руку, я указал нурре на свою грудь и, как только мелкая туда перепрыгнула, одобрительно почесал ее за ушком. Молодец какая. Добытчица. Не знаю, как она меня нашла, но это было очень кстати.

Пакость от похвалы совсем расцвела и тихонько заурчала, подставляя моим пальцам то шею, то спинку. Потом свернулась клубком, уткнулась носом мне в подбородок и засопела, явно довольная тем, что наконец-то смогла угодить.

Чувствуя, как шипит и плавится на языке металл, я какое-то время просто лежал, чувствуя, как успокаивается надсаженное кашлем горло. Был ли в этом виноват фэйтал, не знаю, но когда нурра встрепенулась и ненадолго убежала, а по возвращении протянула еще одну металлическую «жемчужину», я съел ее без малейших колебаний.

Потом меня снова сморило. Однако примерно к полудню я проснулся и, обнаружив, что нурра куда-то исчезла, а в комнате появились посторонние, мгновенно насторожился.

– Как вы себя чувствуете? – обеспокоенно спросила лесса Майена, поймав мой вопросительный взгляд.

Я знаком показал, что более или менее в порядке.

– Хорошо, – с облегчением ответила юная магичка. – Когда вы упали, я побоялась, что швы разойдутся, но сканирующее заклинание показало, что все в норме. Вы поправитесь, мастер Шал. Только говорить какое-то время не сможете.

Фигня вопрос. Ругаться я могу и молча.

– Вас надо обмыть, – немного помолчав, сообщила девушка и отвела глаза. – Я позову слуг. Не возражаете?

Угу. Зови. Сам уже чувствую, что воняю.

Лесса, помявшись, больше не решилась ничего добавить и просто ушла, оставив дверь комнаты приоткрытой. А как только в коридоре затихли ее шаги, из-под подушки высунулась треугольная змеиная мордочка, и Пакость вопросительно пискнула.

Я вместо ответа только открыл рот. После чего нурра проворно выбралась из своего укрытия, куда-то юркнула, затем вернулась, держа в зубах еще одну фэйталовую «жемчужину», и аккуратно вложила мне ее прямо в губы. А увидев, как я спокойно ее съел, довольно заворковала, замурлыкала, потерлась носом о колючий подбородок. Но вскоре наострила ушки, недовольно шикнула, вильнула хвостом и исчезла.

Уны через три в коридоре снова слышались шаги – на этот раз тяжелые и явно мужские. Вскоре после этого в комнату вошло двое слуг, которых я вспомнил по недавно просмотренному «фильму». Именами Шал, правда, не заморачивался, но мужики были ему хорошо знакомы. Они-то и помогли мне подняться, притащили откуда-то таз с горячей водой. Постоянно косясь на мое перебинтованное горло, быстренько меня обтерли, подали глиняный горшок с узким горлышком, чтобы, значитца, я справил туда естественную надобность. Потом спросили, не нужно ли принести горшок побольше, но я пока отказался – на свою последнюю охоту Шал, как монах на утреннюю молитву или воин перед тяжелым боем, отправился натошак, поэтому я, скопировав его матрицу целиком, в дополнительных емкостях пока не нуждался.

Когда с гигиеной было покончено, один из слуг ненадолго вышел, но вскоре вернулся, держа в руках большой графин с изогнутым горлышком, от которого вкусно пахло бульоном. Сообщив, что ничего более питательного при моих ранах кушать нельзя, мужик очень аккуратно, буквально по глоткам влил в меня весь графин. Я пару раз благополучно подавился. Один раз едва не блеванул. Но все же постарался вылакать все, что давали. А как только мужики собрали шмотки и ушли, с облегчением завалился обратно на постель.

Нехитрые процедуры умудрились вытянуть из меня все силы, снова превратив в обессиленное нечто. Зато, как только слуги ушли, в комнату вернулась Пакость и накормила меня гораздо более сытно, чем чуваки с бульоном. Среди ее добычи на этот раз были и старательно разгрызенные на куски золотые монеты, и пара «жемчужин», и крохотные шарики фэйтала, и, разумеется, бриллианты, на

которые я взглянул со вполне обоснованным подозрением.

Но тут уж было не до капризов, поэтому даже бриллианты я сожрал молча, стараясь не думать о том, откуда Пакость их взяла.

Мужики потом приходили еще дважды, и перед этим нурра каждый раз без напоминаний исчезала из виду. Меня незатейливо, но сытно кормили, затем осматривали, убирали мусор, меняли белье, если я ненароком его пачкал. Под вечер даже принесли широкую рубаху с прорезями в районе бедер, чтобы больше не приходилось сверкать голым задом. И уже после этого лесса Майена навестила меня во второй раз за этот утомительно долгий день.

– Наконец-то, – выдохнула она, проведя очередной магический опыт. Поскольку сумеречное зрение по-прежнему не работало, то понять, что она делала руками и зачем так активно водила ими у меня над головой, я не мог. Но леди и не собиралась ничего скрывать. Вместо того чтобы просто уйти, на этот раз она позволила себе скупую улыбку. – Вот теперь все точно будет хорошо. Раны начали заживать, и заклинания больше не пытаются с вас свалиться.

Хм. А что, были проблемы?

– У каждого человека свой предел выносливости, – пояснила магичка, когда я недоверчиво прищурился. – Если организм поврежден настолько, что этот предел пройден, то никакие заклинания не помогут. Понимаете?

Я молча кивнул.

– Когда вас привезли, я почти поверила, что вы перешагнули этот рубеж, мастер Шал, – тихо призналась девчонка. – Ожог на плече неопасен, но вот горло... вы потеряли так много крови, что исцеляющая магия почти не работала. Я истратила весь свой магический резерв, чтобы добиться хоть какой-то устойчивости. Затем восполнила его из накопительного артефакта и истратила снова. Но даже после этого вы два с половиной дня не приходили в себя, а ваши раны не стали выглядеть ни на каплю лучше. Только сейчас... сегодня... произошел первый сдвиг, и теперь я могу с уверенностью сказать, что вы выздоровеете полностью. Но для этого вам надо хорошо есть, много спать и побережь свое горло, если вы не хотите потерять голос навсегда.

Хм, программа несложная. Есть и спать... все, что я люблю.

– Завтра я попробую ускорить этот процесс, – после короткой паузы добавила лесса. – Магистр Нэш спрашивает о вас каждый день и, как обычно, требует результатов.

Я так же молча растянул губы в усмешке.

О да. Наставник такой... ему всегда все надо быстро, срочно и еще вчера. А если не вчера, то, по крайней мере, за час до того, как тебе вообще пришло это в голову.

– Простите, мне пора, – неожиданно извинилась магичка и, изобразив местный аналог книксена, как-то очень уж поспешно покинула комнату.

Я проводил ее задумчивым взглядом. А как только за ней закрылась дверь и на подушку с приглушенным шлепком упала скалящая зубы Пакость, протянул ладонь и по-быстрому закинул в рот то, что мелкая принесла.

* * *

Дня через два я окреп настолько, что уже мог самостоятельно встать, с передышкой, но все же без дополнительной помощи дойти до уборной и более или менее себя обслуживать.

Слуги после этого стали появляться лишь для того, чтобы принести еду, забрать грязную посуду, убрать или поменять постельное белье. А все остальное время я беспрестанно жевал, отсыпался, а в периоды бодрствования активно копался в доставшемся от Шала ментальном багаже и строил планы на будущее.

Тогда же я пришел к выводу, что даже если Ули быстро оправится от ран, то менять матрицу в ближайшее время не стоит. Во-первых, потому, что я и так должен находиться под подозрением и если вдруг исчезну, то Орден может понять, что шайен, за которым гонялся Шал, все еще жив. Во-вторых, должность карателя во многом была созвучна с моим желанием вычистить городские подземелья. Наконец, в-третьих, сделать это в личине Шала и руками не особенно многочисленного, но владеющего рядом ценных артефактов Ордена

было гораздо проще, чем корячиться в одиночку.

Определив для себя таким образом первоочередные задачи, я первые две недели честно провел под присмотром целителей. А как только лесса Майена сообщила, что карантин закончен, меня вызвал на разговор магистр Нэш.

К разговору я был готов, поэтому врасплох наставник меня не застал. Одежду мне тоже принесли – стандартное облачение карателя, в которое я влез, все еще испытывая некоторое отвращение. Длинное кожаное пальто, нагрудник, тонкая нательная рубашка плюс вторая, вязаная, в качестве поддоспешника, затем еще штаны из плотной кожи и высокие сапоги на толстой подошве... ну вот, теперь и я похож на гангстера. Только вместо кобуры – двойные короткие ножны на поясе плюс татуировка на морде для полноты картины.

Зато я выяснил, почему каратели носят такую неудобную экипировку – оказывается, кожа, из которой пошита их одежда и обувь, была пропитана особой разновидностью шекка, который добывали исключительно на юге Архада из редкого, крайне ценимого на Ирнелле сорта шекковых деревьев. Особенность этого сырья заключалась в том, что после обработки такой сок, помимо прочих полезных свойств, придавал материалам устойчивость к магическому воздействию. Да еще на пластинках нагрудника имелось очень легкое, совсем невесомое напыление из фэйтала, усиливающее защиту карателя. Непосредственно для охоты этот факт, правда, особого значения не имел, зато подобная одежда могла уберечь от нехороших случайностей. Скажем, если маг-отступник надумает использовать боевое заклинание. Или же луч «бластера» ненароком уйдет не в ту сторону, куда планировалось.

Безусловно, на прямой удар, да еще приличной мощности, обработанная шекком кожа была не рассчитана. Да и фэйтала на нагруднике имелось совсем чуть-чуть. Но все же это было лучше, чем ничего, поэтому каратели годами парились в неудобной одежде и безропотно таскали на плечах лишнюю тяжесть.

Застегивать пальто я не стал – в таком виде оно сильно затрудняло движения. Но, насколько я помнил, этого вообще никто из карателей не делал. Разве что в сезон дождей или в исключительных случаях, когда пренебрегать даже такой защитой было чревато.

К сожалению, браслет и «бластер» мне не выдали – по возвращении в Орден Жош сдал всю мою амуницию на склад, и теперь до особого распоряжения я ее не получу.

Хотя бог с ней. Браслет, пока я жив, больше никто не наденет – он был именованным и настраивался на ауру конкретного человека. А уж «бластер», который здесь называли тагором, тем более.

Некоторое время назад меня интересовал принцип действия этой штуковины. Так вот, теперь он был мне доподлинно известен: тагор... в переводе с ирала это означало что-то вроде «убиватель», «уничтожитель»... представлял собой оружие, способное работать как в непрерывном, так и в импульсном режиме. Переключатель располагался сбоку, в выемке, сделанной специально под большой палец. В каждом режиме работы имелось по два подрежима: в импульсном тагор мог работать в качестве парализатора или обугливателя; а в непрерывном использовался только при наличии других таких же приборов, чьи лучи образовывали единую сеть, от мощности которой напрямую зависел эффект воздействия – также парализующий или умертвляющий.

Причем эффективен тагор был в одинаковой степени как против некро, так и против живых существ, о чем я раньше не знал. Работал он на местном аналоге батареек, так что чисто с технической точки зрения это был обычный прибор.

Я также узнал, что малое количество карателей в Ордене объяснялось не отсутствием желающих, а крайне ограниченным количеством тагоров. Поскольку они, как и браслеты, настраивались на одного конкретного владельца и могли быть использованы другим человеком лишь после смерти предыдущего хозяина. Именно по этой причине в Ордене было много подмастеров, но крайне мало мастеров. И поэтому же тагоры переходили от наставника к ученику до тех пор, пока окончательно не исчерпывали свой маго-технический ресурс, а арсенал Ордена не оскудевал еще на одну боевую единицу.

Если верить воспоминаниям Шала, всего в Ордене, который охватывал несколько крупных, входящих в Альянс стран, насчитывалось около тысячи карателей. Однако лет сто назад их было в два раза больше. А четыре с гаком века назад, когда только-только разгоралась война с «разумниками» и был утрачен секрет воспроизводства одного из самых сложных артефактов этого мира, карателей насчитывалось порядка десяти тысяч.

Выводы, как говорится, делайте сами.

О причине, по которой нынешние «разумники» и бытовые маги не сумели восстановить первоначальное число тагоров и не нашли способа отремонтировать вышедшее из строя оружие, Шал доподлинно не знал. Аккумуляторы зарядить было несложно – это мог сделать любой бытовой маг. Их производство было давно налажено. Повреждения ствола, рукояти, всякие помятости и потертости тоже убирались легко. Так что скорее всего проблема заключалась в сложности передачи магической энергии из аккумулятора в оружие. Какая-то там имелась особая фишка, о которой знали только изобретшие тагоры «разумники». Поэтому как только выходила из строя отвечающая за этот процесс деталь, могущественное оружие карателей моментально превращалось в обычный хлам.

Аккумуляторов по приказу выдавалось по два на каждую смену. Суммарной энергии этих двух прямоугольных пластин шириной с обычную кредитку и толщиной в полсантиметра хватало для работы в непрерывном режиме на два с половиной рина при использовании прибора на максимальной мощности, а в импульсном – аж на четыре с лишним сотни выстрелов. Что при таких скромных размерах выводило оружие карателей в разряд офигенно крутых пушек, от которых я бы и в будущем не отказался.

Нурра, увидев, что я куда-то собираюсь, тут же запрыгнула мне на голову, вцепилась коготками в волосы и сердито заурчала, явно полагая, что я во второй раз брошу ее на произвол судьбы. Но я лишь отвернул полу тяжелого пальто, позволив Пакости забраться внутрь. И, уже успев убедиться, что она достаточно умна, чтобы меня не подставить, со спокойной душой покинул комнату.

Рабочий кабинет магистра столичного Ордена карателей располагался здесь же, на территории резиденции, буквально в соседнем здании, до которого я тем не менее добирался гораздо дольше обычного. Проклятая слабость даже через две недели полностью не исчезла, поэтому идти приходилось с остановками. Медленно и аккуратно, пережидая приступы головокружения. А при виде встречных делать морду кирпичом и злобно зыркать по сторонам, чтобы народ не вздумал задавать вопросы.

Никто их и не задавал. Насколько я понял, мастер Шал был для коллег кем-то вроде персоны нон-грата. С ним никто не здоровался, о его делах никто и никогда не спрашивал. Его здоровьем интересовался лишь бывший наставник. И

абсолютно никто, кроме юной магички, практикантов и слуг, не рискнул бы навестить его во время болезни. Мастер Шал всегда и везде, за очень редким исключением, работал один. Ни с кем не мог и не хотел уживаться. И он был единственным, кроме самого магистра, кто имел разрешение на проживание за пределами резиденции.

За это Шала, кстати, еще и презирали, совершенно незаслуженно считая любимчиком магистра Нэша. Но самому Шалу было на это плевать. Единственное, что его волновало, это чтобы его приказы выполнялись немедленно. И чтобы порученная ему работа была сделана хорошо.

В общем, до кабинета, расположенного на третьем этаже нужного мне здания, я добрался без приключений. У самой двери, правда, еще немного постоял, восстанавливая дыхание. Потом проверил тихо сидящую за пазухой нурру. Мысленно пробежался по своей новой личине. Выудил из памяти привычки прежнего хозяина. И, постучав в дверь трижды, распахнул тяжелую деревянную створку.

Магистр Нэш нашелся в левом углу большого, довольно скромно, но со вкусом обставленного кабинета. Когда Шал впервые его встретил, Нэшу было тридцать два. Сейчас же его возраст плавно приближался к шести десяткам. Однако, несмотря на возраст, почти полную потерю некогда роскошной шевелюры и располагающую к праздности должность, магистр до сих пор выглядел свежо, имел подтянутую фигуру, суровое, изборожденное морщинами лицо и обладал на редкость пронизательным взглядом, который уперся в меня сразу, как только я переступил порог.

– Заходи, – без обиняков велел магистр Нэш, когда я характерным для Шала жестом наклонил голову. – Бери стул. Садись. Лесса Майена сказала, что говорить ты уже способен.

Я прокашлялся и едва слышно просипел:

– Так точно.

Говорить по-прежнему было трудно, горло быстро уставало, болело, и оттуда по-прежнему откашливалась всякая дрянь. Но в целом да, общаться я мог. Поэтому не стал возражать и спорить, а просто прихватил стоящий у стены стул,

подтащил его к столу и, поставив напротив бывшего учителя, уселся.

Магистр окинул меня еще одним внимательным взглядом и, сложив изуродованные шрамами пальцы в замок, спокойно поинтересовался:

– Что скажешь?

Ну да. Никаких тебе «здравствуй», «как дела?», «как себя чувствуешь?» – сразу к делу. За это Шал и уважал бывшего наставника – тот никогда не делал лишних телодвижений, а все вопросы предпочитал решать быстро и наиболее эффективным способом.

Вопрос, правда, был с подвохом. Вроде бы и не относящийся ни к чему конкретному, но с учетом того, что я две недели провалялся на больничной койке, хотя ходить и говорить начал гораздо раньше, вопрос в первую очередь имел прямое отношение к карантину.

Я снова прокашлялся и с натугой выдавил:

– Как вы и говорили, мы упустили шайена.

– Нурр? – ничуть не удивился наставник. – Тот самый, что ушел от тебя уже дважды?

Я неохотно кивнул.

– Итоги рейда? – таким же ровным тоном осведомился магистр Нэш. – Вторая команда пришла слишком поздно, чтобы дать какие-то конкретные данные. Пятеро трупов, ты – полутруп, целая толпа вырвавшихся из смежных тоннелей некто и неопознанные останки на полу, от которых после воздействия тагоров ничего не осталось. Что Ты можешь мне сказать по этому поводу?

Я с трудом сдержал скептическую усмешку.

Если бы магистр Нэш не имел, как он утверждает, доподлинных сведений о произошедшем в тоннелях, ко мне пришли бы гораздо раньше и уже вытрясли душу, желая узнать, почему целая команда карателей оказалась не в силах за

себя постоять. Но он знал. Если не все, то многое. Все же обучение карателей было достаточно разносторонним, из них... то есть из нас... готовили и убийц, и ведьмаков, и охотников, и следопытов. Многие, прежде чем наберутся опыта и осядут в городах, успевали, как Шал, порядком помотаться по свету в поисках шайенов, магически измененных тварей, а иногда и отступников-магов, в отношении которых каратели были вынуждены совмещать профессии ищеек и палачей.

Так что обо всем ему уже доложили. И карантин, положенный после встречи с шайеном, я тоже прошел. Хотя в ближайшее время мне все равно будут уделять повышенное внимание и ненавязчиво посоветуют держаться на виду.

А еще я знал, что, не имея на руках стопроцентных доказательств, своими выводами Шал предпочел ни с кем не делиться. Охота в подземельях была его личной инициативой, на которую он, как один из лучших карателей в столице, имел полное право. Полномочия Шала простирались настолько далеко, что он, будучи координатором той охоты, единоличным решением мог привлечь к рейду других карателей и одновременно вызвать на себя отряд городской стражи. Отказать ему в этом без о-очень веской причины не имели права. Но мне было, чем удивить магистра и как оправдаться за неудавшийся рейд, который закончился вовсе не так, как полагали в Ордене.

Прокашлявшись в третий раз и прочистив горло, я машинально потер оставшийся на шее уродливый шрам и начал медленно говорить. Наставник слушал молча, полуприкрыв веки и словно бы даже не слишком вникая в слова. Но впечатление было обманчивым – сейчас в голове магистра неслышно крутились шестеренки и щелкали такие же невидимые циферки, когда он со свойственным ему бесстрашием проводил оценку не только моих действий, но и действий всего столичного Ордена, допустившего непростительную ошибку.

Естественно, я рассказал ему только те выводы, к которым пришел мастер Шал, когда охотился за мной и улишками. Его мнение, его доказательства и исключительно его взгляд на ситуацию. Более того, я рассказал наставнику ту непростую ночь буквально по минутам. Вплоть до того момента, как мастер Шал наставил на меня тагор.

– Ты уверен, что это был тот самый нурр? – спросил наставник, когда я замолчал.

Я кивнул.

- Причины?

- Он был... гораздо крупнее остальных, - уже с немалым трудом просипел я. После долгого рассказа горло совсем сдало, и уже недалек был тот миг, когда я не смогу выдавить из себя ни слова. - И он совершенно точно защищал свою стаю. Точно так же, как стая пыталась защитить его.

- Он вел себя довольно разумно для зверя, тебе не кажется? - словно бы вскользь обронил магистр.

- Да, - внутренне напрягся я. - Он ушел от нас дважды. Но оба раза ему скорее всего просто повезло.

Магистр Нэш неожиданно поднял на меня взгляд.

- Ты так считаешь?

- В первый раз мы не закончили с облавой, - спокойно признал я, выдержав этот тяжелый взор. - И не убедились, что тварь действительно мертва. Понадеялись на магию, когда надо было обыскать район вручную и своими глазами взглянуть на останки. Во второй раз мы неоправданно поспешили. Это была моя ошибка. Не подумал, что, прежде чем влезать в логово, следовало сперва за ним проследить хотя бы несколько дней и по возможности убедиться, что зверь прячется именно там. Вероятно, шайен почуял, что в логове побывали чужаки, поэтому дальнейшее наблюдение у башни эффекта не дало. Шайен ушел и больше в ее окрестностях не появлялся.

- Ты нашел его новое логово?

- Нет, мастер. Но я полагал, что на этот раз он укроется поглубже, поэтому и отправился в подземелье.

- Ты согласился, что он вел себя чересчур разумно для зверя, - качнул головой наставник, и у меня по спине пробежал холодок. - Умный шайен не стал бы использовать в качестве логова одно и то же подземелье дважды.

– Да... но все же он там был. Вероятно, тоже охотился. Энергия мертвых душ – прекрасный источник пищи. И для шайена, умеющего подолгу оставаться на изнанке, он был жизненно необходим.

– Ты уверен, что убил их всех? – неожиданно жестко посмотрел на меня магистр Ордена.

– В подземелье имелись следы присутствия восьми взрослых нурров. Четверых убили мы. Плюс вожак, который умирал у меня на глазах. Больше ему на помощь никто не пришел, так что, если вспомнить, какое количество некко сопровождало появление нурров в коллекторе, то скорее всего остальная стая мертва.

– Но все-таки ты не уверен?

– Я не увидел тел, – вынужденно признал я. – И после первой нашей оплошности предпочел бы лично убедиться в их гибели.

– Тел не видел никто, – так же неожиданно расслабился магистр Нэш и с досадой поджал губы. – Все твои доказательства уничтожили некко. А если бы Жош опоздал хоть на пару ун, то и от тебя бы ничего не осталось. Они вырезали тебя из гущи тварей на живую. Слегка обожгли, как они говорят.

Слегка?

Я припомнил обширный черный струп на левой руке, который даже после всех усилий лессы Майены не сошел полностью, и мысленно хекнул.

Да уж, «слегка». Но с учетом репутации Шала даже удивительно, что его там не пристрелили. Если я правильно помню, клякс в тоннеле набилось в процессе погони за моими улишшами как сельдей в бочку. И, наверное, когда схватка в коллекторе затихла, они всем скопом ринулись добивать выживших, пока в тех оставалась хотя бы капля жизненных сил. Так что, пожалуй, надо сказать мужикам спасибо. Если бы не они, я бы точно сдох.

– Почему ты не взял с собой второй отряд? – вырвал меня из раздумий магистр Нэш. – Почему ты позволил карателям разделиться?

– Тоннели вокруг коллектора соединяются в единую сеть, мастер, – после очередного приступа кашля, прохрипел я. – Было опасно оставлять тылы неприкрытыми.

– А выходить вшестером против стаи шайенов не опасно?

Я не стал отводить глаза.

– Они тоже могли разделиться. И мы оказались бы в еще худшем положении, чем тогда. В темноте да в узких каменных коридорах с огромным количеством поворотов у тварей было несомненное преимущество.

– Зачем же ты туда полез?

– Я взял с собой всех свободных на тот момент мастеров. Если бы с шайенами не справились мы, то кто тогда, мастер? Медлить было опасно. За год у вожака появилась стая в восемь голов. А что было бы через месяц? Или через два? Скорость распространения заразы заставила меня поторопиться с принятием решения. Понимаю, что Орден понес потери, но девять тварей в обмен на пять жизней... мне кажется, это не самый плохой размен.

Магистр Нэш нахмурился.

– Жертв могло быть гораздо больше. А о том, что могло бы быть, если бы некок не отвлекли шайенов, ты подумал? А если бы вас перебили поодиночке?

– Исключено. Мы продвигались по смежным тоннелям, оставляя за собой неактивные защитные сети и покрывая таким образом вдвое большую площадь, чем могли бы, если бы шли единым отрядом. Подобраться к нам с тыла шайены не могли. А в коллекторе им было некуда деться, поэтому я пошел на риск. Это был хороший шанс: ослабленная стая, идущие за ними по пятам мертвые души... некок существенно облегчили нам работу, мастер. А если бы ни они, ни мы не справились, то тварей успел бы добить второй отряд.

– Если ты все предусмотрел, тогда откуда в коллекторе взялся вожак? Как он сумел пройти сквозь вашу защиту?

Я дернул щекой.

– Вероятно, он прятался в дальних тоннелях. Или в одной из дыр, которые проделали некто, а то и сами шайены для охоты. Человек по ним не пройдет. Возможно, мы не все их зачистили. И я не исключаю, что некоторые из них проходят в стенах гораздо выше того уровня, что мы могли заметить с пола. Мы не ожидали его появления, это верно. Но все же операция завершилась успешно, и эта тварь нас больше не потревожит.

Магистр Нэш снова помолчал, а затем уже гораздо спокойнее заметил:

– Тебе повезло, ученик. Из этого боя ты мог не вернуться.

– Так точно.

– Ты все еще бережешь руку... да и бледность тебе не к лицу. Иди, лечись, – вдруг окончательно смягчился наставник. – Я отстраняю тебя от работы на месяц.

Я вскинулся.

– Магистр Нэш!

Что? Опять карантин?! Неужели меня запрут в больничке еще на четыре недели?! Для моих планов это было равносильно краху! А питаться я чем буду?! А с Изей как быть, когда он очнется?! И куда я, позвольте спросить, дену Пакость, если меня поселят в казарму?!

– Это не обсуждается, – снова вернул ровный тон магистр, и мне ничего не оставалось, как склонить перед ним голову. – Приказ получишь у секретаря. Бумаги уже готовы. Но после твоего возвращения я хочу увидеть подробный план по очистке городских подземелий от некто, которых там расплодилось непростительно много.

Мля-а...

– Свободен, – бесстрастно бросил магистр Нэш, когда я был уже готов выйти за рамки матрицы и попросить его сделать исключение.

Но после этих слов стало ясно, что спорить бесполезно. Так что мне оставалось только подняться, отвесить наставнику уважительный поклон и молча выйти, кроя про себя этого упрямого осла всеми известными ругательствами.

Глава 3

Из резиденции Ордена я вышел только ближе к вечеру и был рад уже тому, что мне вообще позволили это сделать. Как и обещал магистр, приказ о моем отстранении был готов, но секретарь почти половину рина искал его среди многочисленных бумажек. Затем бегал куда-то его регистрировать, что-то подписывал, кучу раз уточнял... в общем, изгалялся как мог, потому что мастера Шала, как и подавляющее большинство обитателей этого здания, на дух не переносил.

Потом мне пришлось спуститься в местное хранилище и ждать, когда завскладом притащит мое оружие. Это тоже было хорошим признаком, потому что если бы мне перестали доверять, то никто не передал бы в мои руки драгоценный «бластер». Будь мы на Земле, то как отстраненному сотруднику мне бы вообще ни шиша не вернули – сперва выйди из отпуска по состоянию здоровья, пройди проверку на профпригодность и только потом получи оружие обратно. И это было бы мудро. В том числе безопасно. Но Орден считал, что каратели, выходя за ворота резиденции, попадают во враждебную среду, поэтому больной или нет, но оружие иметь каждый из нас был обязан.

А я что? Я только «за». В чужой монастырь...

Единственная проблема, которая возникла на складе, это то, что при проверке браслета выяснилось, что с него исчезла магическая метка. То есть по бумагам он все еще был моим, однако метка, привязанная к моей ауре и подтверждающая принадлежность предмета, почему-то слетела, поэтому пользоваться им я не мог.

Когда это выяснилось, завскладом пришлось вызывать из гильдии магов дежурного бытовика. Затем ждать, пока тот, бурча на весь белый свет, займется поисками причины. Попутно пройти целую серию проверочных тестов. Выслушать пространную лекцию на предмет того, как состояние здоровья карателя влияет на функционирование именных артефактов. И получить заключение, что поломка произошла из-за недавнего ранения, которое, по видимому, оказалось настолько серьезным, что метка посчитала его смертельным и погасла.

Как выяснилось, для карателей такая метка служила не только опознавательным знаком, но еще и запускала артефакт в работу. А поскольку секрет создания меток гильдия магов держала в строжайшей тайне, то даже потеря или кража артефакта ничем не угрожала благополучию страны.

Процесс постановки метки я тоже увидел и был несколько разочарован, обнаружив, что маг не сам это делает, а использует еще один артефакт в виде совершенно непрезентабельного на вид куба, к которому мне велели приложить ладонь. Погудев и пофырвав, непонятная фиговина выдавила из себя разноцветную магическую нить, которую бытовик без особого пиетета запихал в рукоятку браслета и уложил внутри ее каким-то хитрым образом.

Тагор он, разумеется, тоже проверил и тоже привязал ко мне заново. И только после этого мне разрешили покинуть резиденцию Ордена. Но уже на воротах меня остановила охрана и, лишь дважды прочитав подписанный магистром приказ, неохотно выпустила. На улице в это время уже царила тьма кромешная, зато ночь оказалась на редкость теплой. Пролившийся вечером ливень сделал воздух еще и душным, влажным, так что мне в двух рубашках и теплом пальто в кои-то веки стало некомфортно.

Оглядевшись по сторонам и не найдя на раскинувшейся перед резиденцией площади ни одного свободного извозчика, я сплюнул и потопал пешком. Куда? Домой, естественно. Правда, не к себе, а к мастеру Шалу, который жил сравнительно недалеко, и до его жилища я мог дойти, не грохнувшись по дороге в обморок.

Слабость раздражала безумно. Всего за полрина, пройдя неспешным шагом около шана[б - Мера длины, равная примерно пятистам метрам.], я едва не помер, и это с учетом того, что по пути сделал целых три остановки. Еще через четверть рина я был готов проклясть все на свете. А вскоре - и кого-нибудь

убить. Собственная немощь бесила не только меня – хозяин моей нынешней матрицы тоже ненавидел это чувство. И поскольку мне пока было сложно разделять наши эмоции, то в поисках места для очередной остановки я забрался в первый попавшийся парк, отыскал узкую лавочку. Брякнулся на нее, радуясь, что никого постороннего в округе в такой поздний час не наблюдалось. А ун через десять, когда отдышался и перестал обильно потеть, решил, что раз уж я все равно сижу, то почему бы не разобраться с вооружением.

Поддернув правый рукав, я оглядел тяжелый браслет, охватывающий правое предплечье, и, кое-как согнув левую руку, провел кончиками пальцев по украшавшим его металлическим «шишкам». Как я теперь знал, рабочих среди них было всего две. Та, что располагалась правее, генерировала магическую поисковую сеть. Та, что левее, придавала сети функцию захвата цели.

Только и всего.

Удобство же использования браслета заключалось в том, что нажимать кнопки не обязательно было руками. Достаточно хлопнуть себя по бедру той или иной «шишкой», как нужная функция тут же становилась активной.

Насчет того, каким именно образом не маги... а карателями испокон веков становились обычные люди... видели поисковые сети, память Шала тоже дала ответ. Все было просто: татуировки. Те самые, которые так меня раздражали и которые на деле оказались не просто указанием на принадлежность карателей к определенной воинской касте, а приносили реальную пользу.

Я даже припомнил объяснения мага, который в свое время делал татуировку молодому пареньку с неудобным именем Шайлисатт.

– Это не для красоты, – говорил он, проводя болезненную до крайности процедуру. – Если твое тело не отторгнет магию, ты станешь карателем. Если же отторгнет, то твой путь будет лежать или в обычную армию, или на кладбище. Хотя лично я тебе такой судьбы не желаю.

Шал вытерпел все, что уготовил для него мастер-маг. И на собственной шкуре узнал, каково это – когда вместо краски тебе под кожу раз за разом загоняют иглу, смазанную специально обработанным соком шеккового дерева. Причем узор набивался неделями. Не только на скулы, но и на лоб, подбородок, шею,

веки и даже за ушами. Его единственным предназначением было позволить карателю видеть его же собственные поисковые сети. Чужие, при отсутствии привязки к поисковому браслету, к сожалению, никто из них не распознавал. Ну а чтобы не пугать людей обилием рисунков на морде, краску брали прозрачную. И уже поверх нее на скулы наносили самое обычное тату, смысл которого на древнем ирале означал буквально следующее: «Пусть свет, что есть в нас, да воссияет».

Я, пока чах две недели в карантине, успел во всех подробностях рассмотреть свою хмурую физиономию, украшенную этой пафосной надписью, чем-то похожей по виду на арабскую вязь. И все остальное детально изучил. Как мог, опробовал возможности нового тела. Не возражал против регулярных осмотров. И растерялся, пожалуй, всего однажды. Этим утром. Когда лесса Майена явилась в мою келью в последний раз и потребовала, чтобы я разделся.

Ну, я разделся. Тело приличное, стесняться тут было нечего. Но когда леди обошла меня со всех сторон, а затем наклонилась, внимательно рассматривая мой во всех смыслах здоровый писюн, будто всерьез ожидая, что там сейчас раскроется зубастая пасть... честное слово, я едва не заржал. И с трудом удержался, чтобы не гаркнуть во весь голос: «Гав!»

Увы. Настоящий мастер Шал никогда себе такого не позволил бы, поэтому и я не стал. А поржал тихо, молча, про себя. Сполна насладившись смущенно заалевшими щечками лессы, когда та выпрямилась и, нервно пробормотав, что со мной все в порядке, почти выбежала из комнаты.

Э-э-эх...

Вернувшись к браслету, я стукнул им по лавочке и поморщился, когда веки неслабо обожгло, а вместе с этим перед глазами мелькнула и умчалась прочь поисковая сеть. Находясь в теле карателя, я ее видел несколько иначе, чем когда был нурром и смотрел со стороны. Но все же это было довольно удобно. Если не считать того, что активация заклинания на веках приносила массу неприятных ощущений.

Пока работала сеть, мои глаза нещадно жгло и щипало, словно туда попала жидкость из перцового баллончика. Потом сеть сдулась, и неприятные ощущения ушли. Но я после этого еще пару ун промаргивался, сетуя про себя на

недоучек-магов, которые не нашли способа сделать использование заклинания менее болезненным.

Потом я все-таки поднялся и потихоньку побрел дальше, заодно опробуя поисковое заклинание в работе и пытаюсь к нему привыкнуть. В какой-то момент даже сумел приноровиться и сделать так, чтобы глаза поменьше слезились. А уже неподалеку от собственного дома совершенно неожиданно увидел, что в нижней части моя сеть потеряла стабильность, и, подключив вторую функцию, в полнейшем недоумении уставился на прижатую к земле молодую кляксу, которая невесть каким образом сумела пробраться в подвал весьма небедного особняка.

Хотя о чем я говорю?

Это же мой район патрулирования. За последние две недели его, естественно, никто не проверял, вот и расплодились твари. Ну да ничего. Щас я ее шлепну и заодно проверю работу тагора, на который у меня уже было немало планов.

Тот факт, что на дворе почти ночь и хозяева дома скорее всего спят, меня не смутил. Карателям всегда и везде открывали двери; им было даровано право врывать в чужие дома и среди бела дня, и посреди ночи. Так что я решительно направился к примеченным дверям, отыскивая взглядом колокол, дверной молоток или иное средство привлечь к себе внимание. Но уже у самых дверей был остановлен звуком быстро приближающихся шагов и раздраженным ворчанием:

– Так я и знал, что ты больной ублюдок! Ты отстранен от работы, не забыл?!

Я обернулся и непроизвольно скривился: хмурая морда, желтые зубы, кривой нос и нависающие над переносицей черные лохмы... Жош. Ну, конечно. Кого еще магистр Нэш мог отправить за мной следить, как не командира ночной смены?

– Я сам все зачищу, – приглушенно рыкнул Жош, нагнав меня и сделав недвусмысленный жест правой рукой с надетым на нее поисковым браслетом. – Магистр сразу сказал, что ты, придурок, все равно на рожон полезешь. И не ошибся. Так что проваливай отсюда, или, светом клянусь, я доложу ему о нарушении приказа.

Вот же козел! И этого человека я собирался благодарить?!

Ах да, Шал же его терпеть не мог. Какие-то у них с Жошем были терки, причем не первый год. Ну да и хрен с ним. Не с руки сейчас выяснять отношения. Да и копаться в деталях я пока был не готов.

Молча развернувшись, я потопал прочь, на всякий случай положив ладонь на левую сторону груди, где во внутреннем кармане пальто встрепенулась маленькая нурра. Еще вылезет, вцепится кому-нибудь в горло, а мне потом объясняйся со службой внутренней безопасности... а в Ордене и такая была, ага... по поводу внезапно всплывшей собственности одного придурочного тана, который, я так полагаю, не месяц и не два выносил мозг начальнику городской стражи, требуя вернуть украденное.

Жош пробормотал мне вслед что-то не особенно лестное, но я не стал заострять на этом внимание. Просто ушел. Еще через полрина добрался-таки до своего нового дома. Скептически оглядел скромный двухэтажный домик, притулившийся в конце длиннющей улицы. Пихнул ногой давно не крашенную дверь. С немалым трудом поднялся на второй этаж. Уже там, наверху, отдышался, чувствуя, как от стремительно наваливающейся усталости пляшут в глазах разноцветные звездочки. Но все же добрался до погруженной в тишину спальни, окинул ее мутным взглядом и, рухнув на постель, мгновенно отрубился.

* * *

Утро для меня наступило примерно в полдень. И то, если бы не насущные потребности и не проснувшийся аппетит, я бы, наверное, до следующей ночи продрых. А то, может, и дольше.

За эту ночь я умудрился отлежать себе... все. И морду, которой с размаху впечатался в подушку, и ухо, которое попало на неудачно заломившуюся наволочку, и руки с ногами, и даже хвост... о, Изя!

Открыв глаза и увидев перед лицом беспокойно раскачивающийся хвост, я слабо улыбнулся и, почувствовав от соседа мысленный отклик, с облегчением выдохнул. Ну слава богу! Похоже, поглощенных за эти две недели монет и бриллиантов хватило, чтобы Изя очнулся от комы и выбрался из-под пальто.

Рядом на подушке в напряженно-встревоженной позе сидела Пакость. Вся какая-то взъерошенная, прижавшая уши к голове и беспокойно принюхивающаяся к новой части моего тела, которая умудрилась очнуться раньше меня. Изя тем временем ободряюще толкнулся носом и выразительно щелкнул пастью, намекая, что уже пора бы перекусить.

Я с облегчением рассмеялся. Сел. А заметив на подушке целую россыпь горошин из фэйтала, подхватил обеспокоенную нурру на ладонь. Мелкая аж зашипела от возмущения, когда хвост метнулся к ее сокровищам и принялся жадно их пожирать. А я погладил серебристую чешую и легонько щелкнул по крохотному носу.

- Не ворчи. Он переварит их гораздо быстрее.

- Мя! - сердито вякнула нурра и, молниеносно взобравшись на плечо, настойчиво протянула мне чудом сбереженную горошину.

Я благодарно кивнул, позволил закинуть кусочек металла мне в рот и, дождавшись, когда Изя жадно проглотит все остальное, отправился изучать свое новое жилище.

Мастер Шал, как ни удивительно, жил достаточно скромно. Дом, хоть и в два этажа, был невелик по площади, очень скупо обставлен и снабжен лишь самым необходимым. На втором этаже располагалась только спальня и уборная. На первом - узкий коридор, выполняющий роль крохотной прихожей, такая же небольшая кухня, вторая уборная, кладовка, совсем уж невзрачный кабинетик и... в общем-то это и все, чем владел один из лучших карателей Ордена.

Имея зарплату почти в три золотых молга в месяц, Шал мог себе позволить гораздо больше. Но вместо этого он платил полсеребрушки в месяц девушке-служанке, которая раз в неделю приходила сюда убираться. И совсем немного тратил на еду. Жилье было служебным, поэтому платить за аренду ему не требовалось. Одежду и амуницию каратель получал в Ордене. Роскоши он не терпел. Жил как аскет. И я откровенно порадовался, когда зашел на кухню и обнаружил на столе увесистый мешочек, откуда через старательно проделанную дыру на боку успело вывалиться несколько золотых.

Пакость довольно заурчала, когда я похвалил ее за находку. После чего вихрем промчалась по столам и полкам, одну за другой распахнула дверцы немногочисленных шкафов. Выволокла и сложила на столе все нашедшиеся на полках колющие и режущие предметы, притаранила откуда-то красивую кружку, судя по всему, фарфоровую или типа того. После чего обежала свою добычу по кругу, привстала на задние лапки и требовательно мявкнула.

Мол, смотри, хозяин, я тебе еще покушать нашла...

Сунув в рот пару золотых, я довольно кивнул и принялся припоминать, что и где тут лежит. Обошел весь этаж. Затем снова поднялся на второй. А когда Пакость выразительно защелкала пастью и кровожадно огляделась, без промедления кивнул:

– Иди, ешь. Только дыры на виду не оставляй и постарайся сделать так, чтобы крыша не рухнула нам на головы.

Нурра вильнула хвостом и исчезла. С чердака вскоре донесся характерный хруст, словно там поселился гигантский термит. Потом что-то покатило по полу, загрохотало. Но не слишком громко, так что я не обеспокоился. Закончив осмотр посещением уборной и душа, я переоделся, после чего спустился вниз и на пару с Изей от души перекусил, в два счета уполовинив годовичные сбережения мастера Шала.

Обычной еды в доме почти не осталось, хотя было видно, что за полками и шкафами кто-то следил. Внутри нашлось немного сыра и хлеба, а в леднике (местный аналог холодильника, замаскированный под обычный шкаф с охлаждающим закливанием внутри) лежало замороженное мясо. Само собой, я сгрыз все, что нашел, снова закусил молгами и, устав от этой несложной деятельности, во второй раз отправился спать. А ближе к вечеру, когда в двери заскрипел чей-то ключ, неохотно спустился вниз, чтобы встретить свою единственную служанку.

Девушку звали Ниара. Она была довольно милой, аккуратной, вежливой и вполне приятной на личико. К тому же никогда не отказывала суровому карателю в интимной близости, если в том возникала необходимость. Единственное, чего бывший хозяин дома от нее требовал, это чистоты в доме и соблюдения личной гигиены. А также приплачивал по серебряному молгу в

месяц за то, чтобы она больше ни с кем не вступала в близость, пока работает на него.

Я, оглядев аппетитную фигурку девушки, мысленно облизнулся. Но, пока Ниара убиралась и расставляла по полкам продукты, соблюдал основное правило Шала – молчал. Нет, на секс сегодня не претендовал – в таком состоянии с меня мало проку. Но будущее определенно начинало мне нравиться. Тем более что воспоминания Шала на эту тему были достаточно подробными, и, пока Ниара работала, я утешал себя тем, что в досталь в них покопался. Заодно узнал, что служанка у меня хоть и скромная, но умеет быть темпераментной. К тому же не ревнива. Честна. Умела вкусно готовить. И в какой-то мере даже заботилась о своем господине, который лишь в отношении нее позволял себе проявить некоторую мягкость.

Однако, когда я уже размечтался, что через пару недель сполна оторвусь за год вынужденного воздержания, и даже задумался, как подготовить к этому свой любопытный хвост, случилось непредвиденное. Перед уходом, все убрав и снабдив меня горячим ужином, Ниара вдруг потупилась и неуверенным голоском сообщила, что ей очень жаль, но с недавних пор у нее появился ухажер.

Меня словно под дых ударили.

Что? Любовник?!

Поднявшаяся в душе волна раздражения, доставшаяся в наследство от бывшего хозяина дома, была настолько сильной, что мне потребовалось некоторое время, чтобы ее погасить.

Черт.

В Ниаре как таковой я не нуждался. Привыкнув сам себя обслуживать, я мог обойтись без помощи по дому. Тем более от незнакомой девушки. С ее появлением реально возростала угроза обнаружения Изи и нурры. Но если ради регулярного секса и шанса на нормальные отношения я еще был готов рассмотреть варианты, то в отсутствие одного смысл появления в моей жизни дополнительного фактора риска сводился на нет.

И тем не менее с Ниарой надо было что-то решать.

Настоящий Шал мог бы ее сейчас даже ударить, ведь в его понимании это было предательство. Он ей в какой-то степени поверил, даже вон второй ключ отдал, а для мужчин это много значит. Сказать, что это была любовь, я бы, правда, не рискнул, но симпатия определенно присутствовала: Ниара была единственной, кого добровольно отстранившийся от человеческого общества каратель был готов хоть как-то терпеть. И ее заявление должно было больно ударить по его самолюбию.

Однако по большому счету девушка оставалась свободна в своем выборе. Ей никто не запрещал влюбляться или испытывать симпатию к кому-то еще. К тому же она честно предупредила, что нашла другого партнера для жизни и секса. Даже смущенно пробормотала, что «ежели господин желает, то она могла бы... в последний раз». Да и следить за порядком в доме не отказывается. Ведь у нее на руках старушка-мать, которую не бросить без помощи, младший брат, который тоже нуждался в присмотре. И вообще, господин каратель был к ней так добр, что ей очень неловко за то, что она так его подвела.

Я после этого только зубами скрипнул и, не выходя из образа, процедил:

– Вон.

Девушка ожидаемо расплакалась. Снова попыталась убедить меня, что ни в чем не виновата. Но поскольку плюсы ее присутствия в моем доме значительно уступали минусам, я лишь выразительно указал на дверь. После чего девчонка, расплакавшись пуще прежнего, все-таки ушла, оставив на кухонном столе запасной ключ и не взяв приготовленный для нее авансом серебряный молг.

Тьфу.

Что за дурацкий вечер?!

Задвинув засов на двери, я прислонился к стене и прикрыл глаза, стараясь не поддаться охватившему меня разочарованию. Но лучше уж так, чем я каждый раз буду смотреть на девчонку голодными глазами или, еще хуже, поддамся инстинктам. Вон, уже Изя наружу вылез, жадно поглядывая по сторонам. И неудивительно: он ведь тоже мужик. Небось еще не забыл, как куролесил с молодыми нуррочками в стае?

В ответ на мои мысли хвост ответил радостным щелчком челюстей и активной вибрацией в копчике.

Угу. Вот об этом я и говорил. Так что нет, милая, лучше тебе находиться от нас подальше, а то неровен час что-нибудь случится, и я буду сильно жалеть, что поддался сиюминутному соблазну.

Тяжело вздохнув, я выпрямился и, поймав на ладонь спрыгнувшую с потолка нурру, собрался поужинать, раз уж нам на халяву наготовили столько еды. Но где-то на середине коридора меня шатнуло, в ушах зазвенело, а в глазах все отчаянно замельтешило. Почти одновременно с этим краски знакомо смазались. Мир потускнел. А когда звон в башке прекратился, я с удивлением обнаружил, что снова могу пользоваться сумеречным зрением.

Оно, правда, сильно сбоило. Картинка произвольно менялась с нормальной на серо-зеленую и обратно, отчего меня вскоре замутило. В итоге от ужина пришлось отказаться, но спать я отправлялся не голодным – это раз, потому что рядом вилась Пакость со своими «жемчужинами», и вполне довольным собой – это два. Ведь возвращающиеся способности означали, что мой организм постепенно восстанавливается. И недалек тот день, когда я смогу вернуться на изнанку, чтобы исполнить данное себе обещание и до последней твари вычистить проклятое подземелье, в котором так страшно погибла моя малышня.

Глава 4

Два дня мне потребовалось, чтобы подъесть оставленные Ниарой запасы съестного и заново привыкнуть пользоваться сумеречным зрением. За это время я окреп, научился перемещаться на гораздо большие расстояния. Начал потихоньку приводить в порядок тело и разрабатывать пострадавшую руку, на которой прямо на глазах рассасывались следы нехилого ожога.

Пакость в эти дни меня прямо-таки спасла, раз за разом подкидывая то золото, то брюлики, то маленькие порции фэйтала. Металл был сытным, полезным, энергетически емким и изрядно ускорил процесс выздоровления, так что к исходу третьих суток я уже вполне уверенно держался на ногах, не умирал от усталости, поднимаясь по лестнице на второй этаж. И даже возобновил

тренировки с холодным оружием по методике карателей.

Рука, конечно, еще болела, чувствительность в пальцах восстанавливалась гораздо медленнее, чем хотелось. Но если вспомнить, до какой степени они обгорели, было вообще удивительно, что я шел на поправку.

Одно меня беспокоило – Макс. За почти три недели, прошедшие со времени моего исчезновения, он наверняка с ума сошел от беспокойства. Но увы. Не имея достаточного резерва, чтобы хотя бы полрина провести на изнанке, я бы не рискнул туда сунуться. Это было опасно и для него, и для меня, особенно в свете того, что Жошу было поручено отслеживать мои перемещения по городу.

В итоге на улицу я выбрался только после того, как закончились все продуктовые и не продуктовые запасы в доме. Оставленные на черный день молги позволили мне без помех завалиться в ближайший трактир и восполнить дефицит органики. А неумолимая нурра, которая иногда по полдня отсутствовала дома, усердно снабжала меня неорганикой. При этом, когда я поинтересовался, где она нашла фэйтал, мелкая отчего-то испугалась и почти на два рина спряталась от меня в подвале. А когда вернулась, то долго не решалась подойти и вообще вела себя странно.

После этого я, конечно, заподозрил неладное, но ради собственного спокойствия от дальнейших расспросов воздержался. Ну нашла она страшно редкий и ценный металл. Ну подумаешь, нашла его много, а все «жемчужины» были одинаковыми по весу и размеру. До тех пор, пока я не видел, откуда они берутся, можно было успокаивать себя тем, что мне просто померещилось. Ну а если не померещилось...

«То и хрен с ним», – хладнокровно подумал я, сгребая со стола очередную пригоршню металлических деликатесов. После чего пощекотал подбородком довольно зажмурившуюся нурру и, закинув половину добра в ненасытную Изину пасть, вернулся к тренировкам, стремясь поскорее набрать форму.

Надо признать, без помощи Ули привыкать к новому телу пришлось намного дольше, чем раньше. Я чувствовал себя как актер, нанятый на детский утренник и надевший слишком тяжелый костюм. Знаете, как в Диснейленде – ходит по улицам такой вот здоровенный Микки-Маус или Дональд Дак. Всем улыбается,

активно машет. А в процессе незаметно утирает выступивший на лбу пот и сдавленно шипит, когда искусственная башка начинает заваливаться на бок, а громадная плюшевая лапа в самый неподходящий момент спотыкается о слишком высокий порожек.

Вот и я так же. Личина Шала оказалась слишком большой, неуклюжей и упорно не хотела садиться на меня как положено. Тут она жала, там натирала. Да еще и оказалась тяжелой сверх всякой меры.

Только к середине отпущенного магистром отпуска я более или менее привык к новой матрице и перестал спотыкаться на ровном месте. Тогда же почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы на пару ун заглянуть на изнанку. Еще дня через три я увеличил это время втрое. И лишь на пятой неделе своего пребывания в теле мастера Шала пришел к заключению, что смогу без риска прогуляться за пределы Старого города.

Над тем, как я добирался до прежнего логова, действующие разведчики и шпионы, если б узнали, наверняка ржали бы долго и с удовольствием. Опыта в подобных делах у меня не было, но все-таки я предпринял некоторые меры, чтобы обнаружить и стряхнуть со следа возможный «хвост».

Не знаю, получилось или нет, но подступающий вечер определенно добавил мне форы. А когда в одной из многочисленных подворотен я занырнул на изнанку, о «хвосте» уже можно было не беспокоиться. Теперь моим врагом стало время и неумолимо подбирающаяся сонливость, которую я должен был перебороть до того времени, пока не доберусь до нужного места.

Надо сказать, я сумел. И даже самостоятельно вскрыл защиту на калитке, прежде чем почувствовал, что сейчас упаду. Очутившись под прикрытием иллюзии, я тут же вывалился в реальный мир. С трудом удержался на ногах. Но все же упрямо потащился к двери, которая в отличие от моих прошлых визитов была плотно закрыта.

На громкий стук и незнакомый голос дом ожидаемо отреагировал усилением защиты. Когда я попытался ее снять, Макс тут же сменил ее на другую, а затем и на третью, заставив меня крепко выругаться. Упрашивать его и что-либо объяснять, стоя на пороге собственного логова, я уже был не в состоянии. Поэтому, когда почувствовал, что вот-вот грохнусь, просто достал из петли на

поясе тагор и навел на строптивную дверь, демонстративным жестом поставив рычажок на максимум.

Только после этого защита с дома неохотно сползла, и дверь с протестующим скрипом открылась.

Живой или нет, но умирать дом, как и раньше, не захотел. Поэтому, когда я таким же демонстративным жестом потребовал впустить меня в подвал, Макс еще неохотнее подчинился. Уже спускаясь по лестнице и чуть не наворачнувшись с крутых ступенек, я хрипло выругался во второй раз. А когда добрался до комнаты с управляющим кристаллом, неподдельно удивился, обнаружив, что, помимо него, в подвале находится посторонний.

– С возвращением, – усмехнулся Шэд, стоя рядом с тем местом, где на изнанке находилась металлическая конструкция с тревожно мигающим кристаллом. – Как себя чувствуешь?

Я устало опустил тагор.

– Хреново. Неужто не видно?

Собиратель душ окинул меня преувеличенно внимательным взглядом.

– Ты жив. Это главное. И даже друзей своих сберег, что лично мне кажется удивительным.

– Да иди ты к черту, – прошептал я, прислонившись спиной к стене и едва держась на ногах от слабости. Изя, совершенно правильно сообразив, что мне нужна помощь, тут же выбрался наружу и, вцепившись зубами в камень, создал дополнительную точку опоры. Еще через пару мгновений пальто на груди зашевелилось, и оттуда высунулся любопытный серебристый нос, при виде которого Шэд пренебрежительно фыркнул.

– Ах, вот почему ты так долго добирался. Но, кажется, твоя зверушка полностью под тебя подстроилась и научилась снабжать тем, в чем ты нуждаешься больше всего?

Пакость, выбравшись полностью, при виде сборщика душ сердито зашипела. Но потом оглянулась, увидела мое посеревшее лицо и, засуетившись, юркнула обратно в карман, откуда вернулась, держа в зубах знакомый серебристый шарик.

– Фэйтал, – без особого удивления констатировал Шэд, когда я безропотно принял от нурры подношение. – Умная зверушка. Неудивительно, что ты не спешил возвращаться.

Я все-таки не удержался и сполз по стенке на пол.

– Куда уж мне было спешить... не видишь, едва на ногах стою. Еще немного, и сдохну.

– А я тебя предупреждал, что это опасно. Нельзя было брать на себя так много.

– Да что я такого взял-то? – измученно откинув голову на стену, переспросил я. – Ты говорил про улишшей. Но у меня больше никого не осталось, кроме Ули. Совсем никого... светом клянусь, придушил бы всех и каждого, кто имеет к этому отношение! Эти уроды убили моих зверей, представляешь?!

– А хорошо все-таки села матрица, – довольно причмокнул собиратель. – Ты теперь даже ругаешься, как настоящий каратель. Молодец, Олег. Действительно прогрессируешь. И с телом поработал так, что теперь тебя почти не отличить от оригинала.

– Кто?! О-олег?! – неожиданно вернулся дар речи к дому. – ОЛЕГ! Ты вернулся!

Я вяло махнул рукой:

– Здорово, Макс. Не смотри на личину. Это временное явление. Внутри я все такой же: хвостатый, голодный и вечно злой.

– Но КАК это возможно? Хотя нет. Неважно! Но, наверное, я должен был сразу спросить: кто ты?

– Да ничего особенного. Обычный вселенец, которого притащил сюда вон тот долговязый тип с цилиндром на голове и с дурацкой тростью.

– Мастер Шэдоу?! Вы в кои-то веки не забрали, а привели сюда чью-то душу?!

Шэд же тем временем сокрушенно покачал головой:

– И все-таки ты глупец, Олег Каменев. Да еще и невнимательный к тому же... вот скажи, с чего бы я стал тебя навещать, если ты так плохо меня слушаешь? Для чего отвечать на твои вопросы, если на самом деле ответы тебе не нужны?

– Что ж ты тогда... приперся? – обессиленно прошептал я.

– А я, может, не к тебе.

– Да? Тогда к кому же?

Дом смущенно прокашлялся.

– Ко мне вообще-то... я ведь все еще человек. Местами. Вот за душой-то мастер Шэдоу и приходит уже который год подряд.

– А ты упорно отказываешься уходить, – фыркнул сборщик душ.

– В отличие от некоторых мне моя жизнь очень даже по нраву. Меня в ней все устраивает. Ну, кроме скуки, конечно. И раз уж Олег вернулся, то я, разумеется, снова откажусь от вашего щедрого предложения, господин собиратель. Оле-е-ег... эй, Олег! Ты в порядке?!

Я так же вяло мотнул головой:

– Нет, а что?

– Ты там это... ну... скверно выглядишь.

– Да с чего бы ему выглядеть хорошо? – не преминул съязвить Шэд. – Он на себе, считай, девять душ в одиночку тянет. И до сих пор отказывается избавиться от балласта!

– Каких еще душ?! – хором спросили мы с Максом. – Какого балласта?!

На что собиратель одарил меня совсем уж укоризненным взглядом, после чего щелкнул пальцами, и... я глазам своим не поверил, когда глянул вниз и обнаружил, что возле его ног, как в самый первый раз, медленно и устало кружатся восемь крохотных, едва различимых в темноте черных пятнышек.

– Боже мой... Шэд!

– Забирай своих зверей, – неприязненно буркнул сборщик, отступая в сторону. – Кормить их на расстоянии – та еще морока. Если бы ты забрал их сразу, еще куда ни шло. Но тянуть из тебя силу из такой дали... признаться, я удивлен, что ты еще ходишь.

Я вздрогнул, когда пятна с устрашающей скоростью ринулись в мою сторону. Неверяще подставил ладони. И вздрогнул повторно, когда все восемь с готовностью запрыгнули мне на руки и обдали кожу легким холодком.

– Первый, Второй, Третий...

– Они вернулись в то же утро, как ты исчез, – тихонько сообщил Макс, пока я в дикой, почти невозможной надежде рассматривал льнущих ко мне улишшей. – Слабыми, едва живыми...

– Да что им сделается? – проворчал Шэд, демонстративно отряхивая кружевные манжеты. – Хозяина они нашли и признали, так что, пока он жив, никуда от него не денутся.

– Но я видел, как они умирали, – с трудом выдавил я перехваченным от волнения горлом. – Их же у меня на глазах... одного за другим... я слышал, как им было больно!

– Терять форму всегда больно. Но если бы ты внимательно меня слушал, то давно бы вспомнил: улиши – паразиты. Таких в твоём мире называют энергетическими вампирами, поэтому, даже обретя плоть, они не изменяют ни своей сути, ни первоначальных свойств. А в случае потери физической оболочки снова вернутся в исходное состояние. Как и ты, если тебя лишит личины, превратишься обратно в нурра. Теперь дошло, почему ты едва ноги таскаешь даже на том питании, которым обеспечила тебя нурра?

Я поднял на недовольного сборщика горящий взгляд.

Хоть и сволочь он... хоть и успел помотать мне нервы, но, думаю, теперь я знаю, зачем он приходил ко мне перед смертью. А еще, кажется, догадываюсь, кто именно столкнул тело мертвого карателя на изнанку и с чьей именно помощью ослабленные улиши вернулись в дом, где Макс мог подпитывать их до моего возвращения.

– Спасибо, Шэд, – хрипло сказал я, сжимая ладонь в кулак и пряча в ней внезапно обретенную малышню. – Честное слово, спасибо.

Сборщик только фыркнул. И снова исчез, больше не желая ничего ни слышать, ни объяснять.

* * *

– Вот такие дела, – без особой радости закончил я свой рассказ, успев за это время перебраться с пола на кушетку в гостиной и смолотить целую кучу драгоценностей, которых моими же стараниями в доме хранилось немало.

– И что теперь? – тихо спросил Макс. – Что с тобой будет?

– Пока Ули слаб, сменить форму я не сумею. В лучшем случае вернусь в первоначальный облик, но потом еще не скоро смогу стать человеком.

– Сколько малыш будет спать?

– Да кто бы знал, – тяжело вздохнул я. – На эту матрицу он потратил все, что мы копили месяцами. Особенно на браслет. И аккумуляторы к нему. Когда меня

притащили в Орден, зарядные пластины были почти полны... Я иногда чувствую его, но очень слабо. И понятия не имею, как он умудрился нас вытянуть из такой глубокой задницы.

– Он у тебя молодец, – со странным чувством произнес дом, качнув большой люстрой на потолке. – Настоящий друг. Как и улишши.

Я машинально погладил левую сторону пальто, во внутреннем кармане которого дремала ослабленная малышня, и успокоенно прикрыл веки. Правда, ненадолго. Когда сыто урчащий хвост доел последние крохи угощения, а осоловевшая Пакость, в кои-то веки дорвавшаяся до Максовых кладовых, так же сыто икнула, я заставил себя подняться.

– Уходишь? – грустно спросил дом, когда я подхватил растолстевшую от обжорства нурру и, усадив ее на плечо, направился к выходу.

– Да. Мне больше нельзя здесь находиться. Нас обоих подставляю, так что извини. Какое-то время мне придется пожить в другом месте.

– Удачи, – так же грустно напутствовал меня Макс, когда я, позвякивая набитыми карманами, толкнул дверь.

Я молча кивнул. Нырнул на изнанку и, ни разу не оглянувшись, ушел, чувствуя себя так, будто бросаю на произвол судьбы не живой дом, а старого друга. Который был тоже не рад, что остается в одиночестве, но по определению не мог ничего изменить. Точно так же, как не мог изменить этого и я.

По возвращении домой я тщательно закрыл все ставни, задернул шторы, завесил окна в спальне для верности еще и плотными одеялами, чтобы создать улишшам комфортные условия. Затем, не дожидаясь утра, дотащился до ближайшего трактира, немилосердным стуком разбудил хозяина и, напугав его до икоты, сделал большой продуктовый заказ на грядущую неделю.

Мрачная слава карателя сослужила мне добрую службу – перепуганный мужичок ни единого вопроса не задал, когда я озадачил его такой странной просьбой. Трясущимися руками забрал у меня золотой и поклялся, что каждый день, ровно в полдень, мальчишка-слуга будет ставить мне под дверь целую корзину со всевозможными вкусностями. А чтобы господин каратель был уверен, что это он,

еще и постучит условным стуком.

Оставив в покое нещадно заикающегося трактирщика, я вернулся в дом и завалился спать, предварительно проверив, как себя чувствуют улишши. Малышня все еще беззаботно дрыхла, поэтому я не стал их тревожить и как был в пальто, так и уснул. Благо Макс посоветовал держать улишшей как можно ближе к телу хотя бы до тех пор, пока они не смогут перемещаться самостоятельно.

На все про все у меня осталось меньше недели, после чего приказ о временном отстранении утратит силу, и мне придется вернуться в Орден. К этому моменту я должен буду восстановиться сам и привести в порядок улишшей. Если, конечно, хочу сохранить им жизнь.

К вечеру следующего дня я неожиданно вспомнил, что для более быстрого роста малышне может не хватить только моей энергии. И что они, как все паразиты, охотно занимают ее у других существ. В частности, у некко, которых в столице водилось немало. Но поскольку сам я пока был не в состоянии отправиться на охоту, а отпускать в подземелья Пакость не хотел, то пришлось мне снова вернуться в старое логово, обрадовав тем самым Макса до одурения.

– Некко? – задумался он, когда я изложил свою просьбу. – Да. Думаю, что могу одолжить тебе парочку.

– Спасибо, – с облегчением выдохнул я, увидев, как в полу отъехала тяжелая плита и из тесной ниши показались тонкие черные щупальца.

Правда, пока мои звери не умели питаться самостоятельно, отпустить их вот так я не рискнул. Сперва перешел на изнанку сам. Достал из ямы самую мелкую и слабую кляксу. Влупил ей пару раз кулаком по башке, чтобы не дрыгалась. И только после того, как она затихла, залез в нагрудный карман и выпустил на свободу нуррят.

Как я и предполагал, охотиться они не могли, поэтому кляксу даже толком не укусили. Если бы она была в состоянии сопротивляться, им бы даже ввосьмером не удалось ей противостоять. Пришлось попросить Макса об одолжении, и тот сплел из имеющихся в наличии магических нитей нечто вроде коктейльных трубочек, которые мы сообща воткнули в извивающуюся мерзость, чтобы

напоить ослабших котят.

Примерно после половины рина мучений нам все же удалось сделать так, чтобы улишши могли забирать энергию из некто напрямую, ничем не рискуя и не теряя ни капли драгоценного ресурса. Когда они насытились, клякса благополучно скукожилась, но я далеко не сразу подумал, что вообще-то это не безликая и тупая тварь, а когда-то она была человеческой душой. Которую я, между прочим, без зазрения совести скормил своим паразитам.

- Наконец-то ты начал думать не только о себе, - уже привычным смешком ознаменовал свое появление вездесущий Шэд. Или мастер Шэдоу, как его уважительно величал Макс.

Я на всякий случай убрал осоловевших улишшей за пазуху и только после этого повернулся.

- Разве это плохо?

- Напротив. Ты продолжаешь расти в моих глазах. И вопрос, который ты только что себе задал, тоже прозвучал очень правильно.

- Имею ли я право распоряжаться таким необычным ресурсом? - озвучил я вслух свои сомнения.

- Человеческая душа - не ресурс, - качнул головой сборщик душ. - Но то, что ты видишь, лишь внешняя сторона проблемы. Как тела у улишшей. Только если твои звери набирали плоть, скажем так, честным путем, то эти души, говоря твоим же языком, согрешили. Поэтому обросли своеобразным мусором. Той грязью, которую при жизни люди обычно прячут глубоко внутри, но которая после смерти видна любому желающему.

Я озадачился.

- Ты хочешь сказать, что это уже не души?

- Души. Только чистого в них почти не осталось. Где-то там, внутри, можно найти лишь жалкие крохи того, что когда-то их составляло. Однако, если помочь

ИМ ОЧИСТИТЬСЯ...

– Ты сможешь их увести? Погоди! – запоздало сообразил я, и вот тогда сборщик благосклонно кивнул. – А что же тогда у них забирают улишки?

– Энергию. Им в целом и общем все равно, какой у нее цвет. Твоя им подходит лучше всего, но ее не так много, поэтому они берегут тебя от себя самих. И по возможности едят что попроще. К примеру, вот эту грязь, которую способны переработать во что-то более полезное и заодно совершить для мертвой души доброе дело, вернув ей тот облик, который она должна была обрести изначально.

– Что-то я ни разу не видел, чтобы из клякс вылетали чистые души...

– Я же сказал: чистого и светлого в них осталось немного, – невесело улыбнулся Шэд. – Даже мне нелегко найти и собрать остатки. Но эти искры гораздо лучше, чем ничего. Согласись?

Я покосился на яму с нечко.

– Значит, ты не против, чтобы я и дальше кормил ими своих зверей?

– Ты делаешь наш мир чище, – совершенно серьезно ответил собиратель. – И пока это так, я не стану тебе мешать.

– Что ж, спасибо на добром слове, – пробормотал я, когда Шэд по обыкновению растворился в воздухе. – Макс, я завтра еще зайду, можно?

– Буду рад тебя видеть, – прошелестел дом, когда я кинул внимательный взгляд на кристалл. – Моих запасов хватит надолго.

С тех пор я стал наведываться туда каждый вечер, потихоньку откармливая улишкой и посмеиваясь над Пакостью, которая с самого порога соскакивала на пол и со счастливым писком отправлялась разорять роскошные апартаменты. Макс в кои-то веки ей не мешал, охотно распахивал перед нуррой любые двери, подкладывая на видное место самые лакомые кусочки. Причем в таких количествах, что жадная до чужого добра нурра возвращалась ко мне

вразвалочку, сыто икающая и раздувшаяся до такой степени, что я стал всерьез опасаться за ее здоровье.

- Производство фэйтала требует большого количества материалов, - со смешком пояснил дом, когда я в очередной раз подобрал с пола сонно зевающую нурру. - Тебе он сейчас нужнее бриллиантов и золота, поэтому она очень старается.

- Откуда она вообще узнала, что он мне нужен?

- Речь она неплохо понимает. Но вообще, я слышал, что потребности хозяина подобные артефакты могут определять по крови.

Я хмыкнул.

- Когда бы она успела? Ее зубы мою кожу почти не прокусывают.

- Зато Изя прокусил, - насмешливо отозвался Макс. - Не твою, а твоей будущей матрицы, хотя особой разницы я не вижу.

Хм. И правда.

Я внимательно оглядел раздувшееся брюшко Пакости и заглянул в ее блаженно распахнутый рот со свесившимся из него язычком. Торчащие оттуда клычки выглядели небольшими и совсем неопасными, но, если бы нурра меня укусила, я бы точно заметил. Сделать это в резиденции она не могла - тогда она принесла мне уже готовую «жемчужину». Но тогда, получается, успела напиться раньше? Но где? И, главное, как, если я этого даже не помню?

- Единственная открытая рана, которая у тебя была, это горло, - задумчиво предположил Макс, когда я задал этот вопрос вслух. - Когда тебя принесли в Орден, Изя ее уже подлечил, поэтому фонтаном оттуда кровища не хлестала, да и в присутствии магов Пакость тебя бы не тронула.

- Тогда где?

- Остается только один вариант. В коллекторе.

– Да ее же там не было...

Я осекся, только сейчас подумав, что, возможно, Макс прав. Мои улишши перед потерей формы были так слабы, что их последний прыжок вряд ли мог стать для карателей серьезной угрозой. Да и расстояние было достаточно велико. Будучи неглупыми созданиями, мои звери не могли не понимать, что уже проиграли схватку, однако они все же прыгнули. Вместе. Я видел. И так же вместе упали, когда по ним ударили лучи тагоров.

И тем не менее с пола больше никто из карателей не поднялся. Это я тоже прекрасно помнил. Но могло ли случиться так, что мои нуррята рисковали собой лишь для того, чтобы отвлечь внимание? От кого? Да вот от этой блаженно щурящейся поганки, которой было вполне по силам сигануть за мной в канализацию, найти по запаху, догнать и, явившись в коллектор в самый последний момент, закончить то, что начали мы.

Я рассеянно пощекотал серебристое брюшко и, услышав тихое мурлыканье, снова задумался.

Надо будет поинтересоваться у Жоша, какие раны были у последних двух карателей, чьи трупы до сих пор, наверное, лежат в морге. А еще лучше самому на них взглянуть. И если окажется, что на горле обоих остались следы не клыков, а маленьких, но очень острых когтей...

– Спокойной ночи, Макс, – сказал я вслух, убирая сонную Пакость за пазуху.

– До встречи, Олег, – отозвался дом и грустно вздохнул, когда за мной захлопнулась дверь.

Глава 5

За день до окончания выделенного магистром срока, вскоре после рассвета, я появился в резиденции Ордена и, согласно предписанию, навестил штатного мага. При виде меня лесса Майена, как и всегда, занервничала. Затем все-таки собралась с мыслями, строгим голосом велела раздеться и мило порозовела,

когда я бесстрастно осведомился, желает ли леди снова увидеть меня без штанов.

– Достаточно, если вы снимете рубашку, мастер Шал, – старательно держа голос прохладным, сообщила магичка. – Мне нужно осмотреть ваши раны.

Я снова над ней тихо поржал, но осмотреть себя позволил – это было обязательным условием для возвращения к службе. Лесса добросовестно изучила шрам на моем горле, оглядела изувеченную магическим огнем руку. Подивилась тому, как быстро все заживает. Затем попросила выполнить несколько несложных упражнений и, убедившись, что пострадавшая конечность функционирует нормально, разрешила приступить к работе.

Я же при этом отметил одну странную вещь – в сумеречном спектре девушка выглядела совершенно обычной. В том смысле, что никаких отличий от простых смертных у нее, как у магички, не было.

Это оказалось неприятным открытием – отличать мага и не мага я, как выяснилось, не мог. А может, просто не умел. Потому что, по словам Макса, разница была видна лишь тем, кто способен различать ауры, но мне, увы, это умение не досталось. И даже сумеречное зрение, как выяснилось буквально сейчас, в этом деле не помощник.

– Что ты надумал? – прямо с порога осведомился магистр Нэш, когда я явился к нему за окончательным допуском. – Как собираешься выковыривать некко из подземелий?

– Это будет сложно, – ответил совершеннейшую правду я. – Скорее всего в городских катакомбах намного больше уровней, чем те, что нам известны.

– С чего ты решил?

– Дальность действия поисковых заклинаний не позволила нам своевременно выявить опасное скопление некко в тоннелях. А между тем они обитают там явно не первый год. Значит, где-то есть проходы на нижние уровни, которые, возможно, были заложены задолго до того, как Гоар стал столицей. Именно там надо искать самых крупных некко, вокруг которых собираются толпы остальных.

Магистр кивнул.

– Тебе стоит пообщаться с главой гильдии зодчих. Если у кого и остались карты Старого города, то только у них. Приказ о твоём восстановлении готов. Через неделю доложишь о результатах.

Я молча поклонился и вышел, одновременно перерывая память Шала в поисках сведений о местном сообществе архитекторов и строителей. Как ни странно, кое-какую информацию все же нашел. Поэтому, выйдя за ворота, искал глазами свободный экипаж. Уселся в первый попавшийся. И, порадовавшись, что в Гоаре, помимо всего прочего, существует гильдия извозчиков, с комфортом отправился на окраину Старого города. В так называемую Башню зодчих, где располагалась резиденция одноименной гильдии.

Башню эту я, пока гулял по столице, не раз видел издалека, но раньше она меня не интересовала. А сейчас я стоял у тяжелых ворот, окованных широкими металлическими полосами с явными добавками фэйтала, изучал возвышающуюся надо мной каменную громаду и тихо офигевал от толщины укрывающей ее магической защиты, которая, пожалуй, даже моим рукам поддастся не сразу.

– Мастер Шал? – ровно осведомился привратник, когда я протянул ему выданный секретарем приказ. – Проходите. Второй этаж. Третий коридор налево. Я предупрежу магистра Рала о вашем визите.

Ого. Я-то думал, меня хотя бы полрина промаринуют в холле, а тут, получается, уже ждут? Похоже, магистр Нэш и сам сообразил, что нам придется зарываться на нижние уровни подземелий, и заранее отправил весточку зодчим, чтобы те подготовили нужную информацию.

И действительно. Как только я поднялся, изучил разбегающиеся в сторону узкие коридоры, похожие на каменный лабиринт, и отыскал нужный поворот, оттуда выступил паренек лет семнадцати и с коротким уважительным поклоном предложил проводить меня к мастеру Ралу. Шел он достаточно быстро, но не настолько, чтобы я от него отстал. И доведя меня до совершенно обычной двери, на которой не висело никакой таблички, с еще одним поклоном отступил в сторону.

– Прошу вас. Магистр Рал уже ожидает.

Проникнувшись местными порядками, я позволил себе благодарный кивок и, дождавшись, когда паренек распахнет дверь, спокойно вошел.

Внутри, как и следовало ожидать, находился рабочий кабинет самой большой шишки в одной из древнейших и, само собой, богатейших гильдий Архада. Перепланировка, озеленение и застройка столицы королевства была, кстати, ее рук делом. Под контролем зодчих также находились все здания, особняки, королевский дворец и прочие важные строения в городе. Поэтому подспудно я ждал, что главным человеком в гильдии окажется какой-нибудь немолодой, одутловатый и отягощенный одышкой толстяк в кричаще-дорогой и безвкусной одежде. Однако магистр Рал оказался невысоким, внешне ничем не примечательным человеком в качественно пошитом, но совершенно простом камзоле с характерным значком, вышитым на левой стороне груди [7 - Официальный знак гильдии – символически изображенная Башня зодчих, вышитая золотыми нитями на черном фоне.]. Более того, при виде меня зодчий даже не погнушался подняться из-за письменного стола и сделать навстречу несколько шагов.

– Мастер Шал? Магистр Нэш предупредил, что вы скоро зайдете. Проходите, присаживайтесь. Я постараюсь помочь решению вашего вопроса.

Ну вот. Что я говорил? Наставник обо всем подумал! Даже эту встречу успел устроить... спрашивается, и какого черта он ломал комедию? Хотел убедиться, что после ранения я не растерял умственные способности?

Вспомнив о правилах этикета, я поприветствовал магистра Рала как следовало и только после этого прошел к стоящему возле стола мягкому креслу.

– Нужная вам информация у меня есть лишь частично, – не стал ходить вокруг да около зодчий и выложил на стол увесистый талмуд в обложке из черной кожи и закрытый на какой-то мудреный замок. – Здесь собраны сведения о четырех верхних уровнях дренажных тоннелей, которые проходят под городом. И чертежи некоторых, более старых сооружений, которые при строительстве новых районов были частично разрушены, частично засыпаны, а частью изменены.

– Почему сведения неполные? – нахмурился я.

– Потому, мастер Шал, что Гоар – достаточно древний город и в свое время успел побывать и негласной столицей контрабандистов, и местом, где укрывались сперва мятежники во время многочисленных бунтов, а потом и маги-отступники... за свою многовековую историю город много чего успел пережить, пока король не решил его облагородить. Поэтому старых планов не существует в принципе – по мере развития города тоннели под ним многократно видоизменялись и достраивались. Как вы знаете, столица построена на холме. На развалинах еще более древнего города, названия которого мы даже не помним. Так что еще до того, как король велел насыпать поверх него дополнительные слои земли, глины и камней, на этом месте существовала разветвленная дренажная система, предназначенная для того, чтобы город не затапливало во время сезона дождей.

Я с досадой поморщился.

– Иными словами, вы не знаете, сколько под ним на самом деле уровней...

– Не знаем, – спокойно согласился магистр Рал. – Их количество разнится в старой и новой частях города. Но лучше всего мы осведомлены о структуре первых четырех уровней в районе центральной части Гоара. Разумеется, они не последние, и, помимо них, существуют также пятый, шестой и даже седьмой уровни, которые в наше время даже в сухой сезон остаются затопленными. Но мы, как вы понимаете, давно туда не спускались. Тем не менее у меня есть данные о местах, где мои коллеги установили заслонки. Как каменные, так и магические. Плюс проходы к ним, в которых может поместиться человек.

– Это уже хоть что-то... я могу забрать эти данные?

– Мы подготовили для вас документы, – кивнул зодчий, достав из стола папку с несколькими десятками листов. – Здесь, разумеется, копии. Но они, можете мне поверить, точны. На первом листе я велел сделать для вас расшифровку наших опознавательных знаков и разметок. Надеюсь, эти сведения вам помогут.

Забрав папку, я в нарушение всех правил этикета пролистал ее прямо тут, на глазах у бесстрастно наблюдающего за мной магистра. Не потому, что не доверял, а ради того, чтобы точно знать, что именно он мне подсунил и за какие

сведения, если что, мне придется потом отвечать. Заодно подсчитал количество листов в подборке. Внимательно прочитал самый первый, без которого в этих планах сам черт бы не разобрался. Наконец собрал бумаги, аккуратно сложил их обратно в папку и, поднявшись с кресла, скупно осведомился:

– Надеюсь, у вас сохранились более точные сведения об установленных внизу магических заслонках? Их мощность, характеристики работы, сроки службы и расположение поддерживающих их артефактов?

Магистр Рал молча положил на стол еще один лист, исписанный вдоль и поперек.

– А ключ, способный снять эту защиту, у вас тоже имеется?

Зодчий усмехнулся и так же молча достал из кармана небольшой артефакт, похожий на спутанный клубок металлических нитей, щедро усыпанных разноцветными (судя по запаху, недрагоценными), но ярко светящимися в сумеречном спектре камнями.

– Благодарю, – коротко бросил я, сгребая со стола и то и другое. А затем попрощался и вышел, очень надеясь, что ничего важного не забыл.

Уже гораздо позже, трясясь в неудобном экипаже, я подумал, что, наверное, сведения о магической защите у магистра Рала можно было не спрашивать – наверняка раз уж замки магические, то копии этих данных имеются в архивах гильдии магов. Но ради успокоения совести я все же туда заехал. Со смешком узнал, что и там меня, оказывается, ждут. Мысленно поаплодировал проницательности наставника и, забрав у архивариуса точную копию первого листка, засунул его к себе в карман.

Ну и что, что два раза одну и ту же работу проделал?

Запас карман не тянет. Я, между прочим, из архивов еще и дубликат ключа забрал. На случай, если первый забарахлит, сломается или же я его потеряю. А когда вернулся домой, то первым же делом припрятал все это добро в сейф. В смысле, на изнанку, предварительно убедившись, что в мое отсутствие туда никто чужой не приполз. Затем проверил улишшей, которых на день оставил в доме, выпустил побегать уставшую томиться в кармане нурру. И только после

того, как успокоился за свой зверинец, снова ушел.

Я же каратель. По крайней мере, внешне. Поэтому должен выполнять свой долг перед Орденом и как минимум раз в день делать обходы на вверенном мне участке.

Работа оказалась несложной: пройтись по нескольким улицам, просканировать дома и подвалы поисковым заклинанием; если где-то найдется некко, уничтожить; а если обнаружатся следы повышенной активности мертвых душ или признаки чего-то подозрительного, то немедленно доложить в Орден. Вот, собственно, и вся работа.

Шал в этом плане был занудой и отъявленным перфекционистом, поэтому обходы всегда совершал в одно и то же время, а улицы прочесывал от сих до сих. Более того, нередко забирался на чужие участки и если обнаруживал там некко, то сперва их убивал, а затем составлял по этому поводу подробный рапорт. В том числе и за это его не любили коллеги – кому понравится, если кто-то регулярно забредает на твою территорию да еще и про все твои огрехи докладывает начальству как на духу?

Шал, правда, делал это не потому, что был стукачом. Нет, он просто старался хорошо выполнять свою работу. Но поскольку он никому и ничего не считал нужным объяснять, то отношения в коллективе не складывались. И даже недавно появившаяся в Ордене штатная магичка его откровенно недолюбливала.

Я не стал нарушать сложившуюся практику и, помимо собственного, зацепил во время обхода сразу два смежных участка. Найдя там по паре мертвых душ, добросовестно от них избавился и по возвращении в Орден накатал беспристрастный рапорт, заодно дав рекомендацию магистру усилить наблюдение по обоим направлениям.

То, что одно из этих направлений было закреплено за Жошем, я, естественно, знал, поэтому рапорт писал с особым удовольствием. Сразу после того, как заглянул уже в наш, орденский, архив. Поднял отчеты полуторамесячной давности и выяснил не только то, что гибель первого отряда карателей действительно произошла не без участия Пакости, но и то, что показания командира ночной смены, мягко говоря, расходятся с моими по времени. В

частности, исходя из сведений Жоша, создавалось впечатление, что команда Шала сама нарвалась, слишком далеко уйдя от второго отряда, хотя по инструкции нам следовало находиться друг от друга на расстоянии, преодолеть которое можно максимум за две с половиной уны. Зануда-Шал, между прочим, лично вымерял это расстояние. И лично отдавал все распоряжения. Однако, насколько я помнил, вместо двух ун Жош и сотоварищи добирались до коллектора в полтора раза дольше. Так что еще большой вопрос, кто и насколько далеко ушел от оговоренного места и как именно в действительности на моем плече появился глубокий ожог.

Ладно, проехали.

Уже вечером, по дороге к Макс, я подумал, что раз уж теперь я охочусь на некое официально, то почему мертвые души не могут послужить пищей для моих зверей? Слово карателя для горожан – закон. Велю хозяевам выйти, и меня никто не потревожит. Тагором я, естественно, тоже буду пользоваться, чтобы обездвигнуть попавшуюся на глаза кляксу, а все остальное доделают нурры. И им хорошо, и у меня участок будет чистым.

Собственно, у Шала он всегда был идеально чистым. У одного-единственного педанта, который регулярно выискивал недочеты у остальных. Как-то раз обнаружив, что у Жоша на участке вдруг тоже все стало идеально... да еще на протяжении довольно длительного времени... Шал сперва решил, что коллеге кто-то помогает. Захотел выяснить. Обнаружил, что Жош традиционно работает кое-как. Задумался над причинами и...

Вы помните, что из этого получилось.

Поэтому на чужие участки я с нуррятами не полезу. А вот на моем они пусть питаются. Надо только подумать, как обезопасить себя от соглядатаев на случай, если магистр все же отдал приказ за мной присмотреть. Но полагаю, если улишки разделятся, с изнанки им будет несложно заметить таскающегося за нами шпики или чужое поисковое заклинание.

– Думаю, это реально, – согласился с моими доводами Макс, когда улишки наелись и снова забралась ко мне в карман. – Только для этого им надо немного подрасти и вернуть хотя бы часть прежней формы.

– Думаешь, они снова выберут облик нурров? – засомневался я.

– Куда они денутся?

– Но я ведь сейчас человек...

– Ты дурак, – вместо ответа фыркнул дом. – Который когда-то носил форму нурра. Улиши ведь настоящую матрицу с объекта снимают, а не личину, которая на нем висит.

Я пристыженно кивнул, а на обратном пути скорректировал планы, прикинув возможности нуррят и придя к выводу, что всего через пару-тройку дней их можно будет выпустить на волю.

Так оно и оказалось – дня через два интенсивной кормежки мои звери из невзрачных пятнышек снова научились становиться «бурунчиками». Еще через день стали напоминать покрытых чешуей котят величиной с ладонь. А к концу недели стали достаточно самостоятельными, чтобы перемещаться за мной по изнанке.

В это же самое время подошла к концу отпущенная магистром на сбор информации неделя, однако похвастаться пока было нечем. К сожалению, бумаги, которые я получил в Башне зодчих, были сделаны вручную, путем примитивного переписывания и перерисовывания с оригинала, где очень многое зависело от аккуратности картографа, его внимательности, почерка и качества чернил.

Безусловно, на магистра Рала работали профессионалы, поэтому чисто технически документы оказались сделаны на «отлично». А вот с подписями возникли проблемы, потому что специальной терминологии я не знал, а из пояснений, что имелись на первой странице, было понятно далеко не все.

– Внизу нам скорее всего понадобится проводник, – сообщил я наставнику, подводя предварительные итоги. – Проникнуть на нижние уровни – только полдела. Для этого достаточно разобрать одну из стен, разбить пол в нужной точке или воспользоваться услугами бытового мага. Но вот ориентироваться в тоннелях будет сложно. На стенах много меток, понятных лишь специалистам. Скорее всего эти обозначения используются гильдией уже много лет и вряд ли

за последние десятилетия существенно изменились. Велика вероятность, что с помощью толкового проводника нам удастся сэкономить время и в короткие сроки продвинуться на максимально возможное расстояние.

Магистр Нэш одобрительно кивнул.

– Я найду нужного человека. Рискнешь еще раз взять на себя работу координатора?

Что я мог на это сказать?

– Почту за честь, магистр Нэш.

* * *

К вечеру того же дня у меня появились две радостные новости: во-первых, улиши более или менее научились удерживать нынешний облик и больше не превращались по малейшему поводу в пятна, а во-вторых, наш Ули наконец-то проснулся... и это было настолько замечательным известием, что проблемы Ордена сразу отошли на второй план.

– Значит, он восстановился, – глубокомысленно заявил Макс, когда я сообщил ему хорошую весть.

Я получил от Ули подтверждающий отклик и на радостях почесал Пакость за ушком.

– Еще бы. Сколько я фэйтала за эти полтора месяца съел... можно было три раза личину сменить, да еще и в выигрыше остаться.

От Ули снова пришел положительный отклик, и я удивленно замер.

«Что? Ты думаешь, что уже способен на подвиги? А не рано?»

Ули в ответ только фыркнул. А потом и улиши активно запрыгали у меня в ногах, всем видом подтверждая, что тоже способны на большее.

Я при виде них откровенно задумался.

На днях, прогуливаясь по одной из улочек Гоара, я заглянул на чужой участок и по чистой, разумеется, случайности прошел мимо одного небезызвестного нам дома. Окно, выходящее во внутренний двор, само собой, с улицы было не видно, однако нуррята прислали картинку большого и активно цветущего кактуса на одном из подоконников. Судя по внешнему виду и оставшемуся вокруг горшка темному кольцу, кактус стоял там довольно давно. Успел даже зацвести, попав под теплое летнее солнышко. И это значило, что господин Шаран довольно настойчиво зазывал меня в гости, однако я в силу ряда причин долгое время не мог его навестить.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Лесс, лесса – официальное обращение к магам (здесь и далее примеч. авт.).

2

Тонизирующий травяной напиток. Аналог зеленого чая.

3

Маги, способные одновременно использовать заклинания разных видов.

4

Маги, обладающие сродством к какой-либо одной стихии.

5

Переговорный амулет.

6

Мера длины, равная примерно пятистам метрам.

7

Официальный знак гильдии – символически изображенная Башня зодчих, вышитая золотыми нитями на черном фоне.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lisina_aleksandra/izomorf-karatel

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)